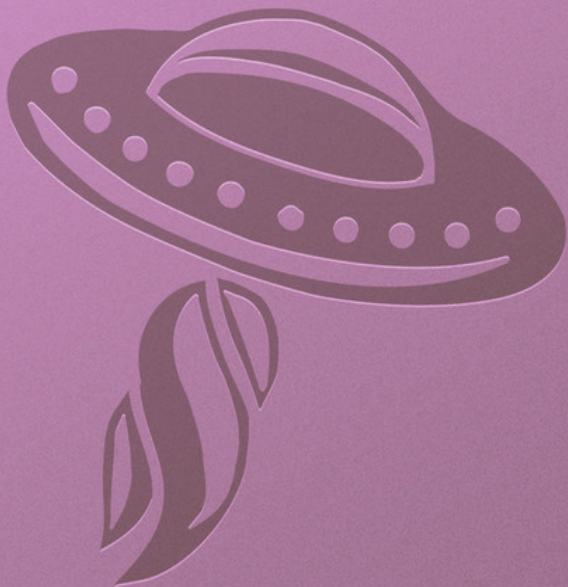

Марик Лернер

Врата учености

Марик Лернер

Врата учености

Серия «Цель неизвестна», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18521378
Врата учености: «Альфа-книга»;*

Аннотация

Легко издавать указы с благими пожеланиями улучшить, усилить, ускорить. Сложнее добиться их исполнения без наличия грамотных и ответственных людей. Очень просто объяснить про необходимость иметь свободные руки для развития страны.

В теории все в курсе, что рабство – это плохо. Но если у тебя во владении есть деревня, неужели откажешься от стабильного дохода? А где набирать людей на новую фабрику? Покупать, отпускать на волю и при этом чтоб продукция дешевле была. Так не бывает.

Вот здесь и заканчивается теория, а начинается практика. Реальность куда сложнее представлений. Совместить несовместимое и себя заодно не обидеть – вот задача, решения которой не найдешь в конце учебника. Дерзай, бывший школьник, и учись думать собственной головой.

Содержание

Часть первая. Столичная штучка	4
Глава 1. Серьезная неприятность	4
Глава 2. По делам и награда	17
Глава 3. Казак Керим	31
Глава 4. Уроки истории	50
Глава 5. Фрейлина черкасская	63
Глава 6. Последние новости	77
Глава 7. Неудачный спор	96
Глава 8. Любопытство не порок	113
Глава 9. Новые знакомства	128
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Марик Лернер

Врата учености

Часть первая. Столичная штучка

Глава 1. Серьезная неприятность

Грянул дружный залп из многочисленных ружей, ему ответили двести пушек Петропавловской крепости.

– Гав, гав, гав, – дружно пролаяли войска, приветствуя проезжающий кортеж. Во все века это звучит одинаково малоразборчиво и бодро. Единственно, вместо анекдотичного подвывания на вопрос о жизни раздается бодрое «ура».

Губернатор Петербурга Миних расстарался на всю катушку.

Мы ехали вдоль многочисленных роскошных триумфальных арок под крики толпы, фейерверки, салюты и рев выстроенных длинными рядами войск. Даже мне, при всем неумении разбираться в мундирах, заметно – сюда нагнали всех подряд. Помимо гвардейцев и пехтуры мелькали моряки и артиллеристы. По самым приблизительным прикидкам, тысяч тридцать вояк собрали, не меньше. И это в городе на полсотни тысяч жителей.

Практика добровольно-принудительного посещения радостного мероприятия ничем не отличалась от знакомой по нашей реальности. Все обязаны присутствовать, а то возьмут на карандаш. Въезд царицы в столицу нашей родины после длительного перерыва под определение праздника, безусловно, подходит. Улицы подметены, дома, по которым следует процессия, свежепокрашены. Кругом порядок, а на лицах счастье. Движение под колокольный звон и пушечный салют, а всяческого рода народ прилежно кричит «виват!».

А может, я натурально все и всех перепутал и людям реально интересно посмотреть вблизи на представление? Все же не каждый день цари заявляются. Да и телевизоров пока не изобрели, чтобы в теплой комнате, на мягком диване развальясь, наблюдать со стороны. А разговоров неминуемо ожидается много.

На самом деле наша немаленькая компания появилась здесь еще вчера, 16 января 1732 года. Или, как звучит по-здешнему, «от Рождества во плоти Бога слова 1732, индикта 16, месяца януария». Никогда даже не подозревал о подобном выражении насчет плоти. Натурально параллельный мир. Очень похож, да иной раз как вылезет!

Собственно, я к тому, что Анна Иоанновна, к неизреченной радости здешних жителей, из Москвы счастливо сюда прибыть изволила и заночевала в бывшем доме Якова Брюса возле Литейного двора. То есть как бы не в городской черте. Поэтому и встреча смотрится нормально. Золоченная

карета, запряженная восьмеркой красивых лошадей, следует вдоль перспективы (Невского проспекта). Дворцовый поезд, то есть кареты со свитой и важными лицами, движется следом.

Ничего спонтанного и случайного вокруг ее величества не происходило. В доме Брюса заранее навели порядок, почистили. Самое забавное, что мебели в царских дворцах не имелось. Мы, точнее, целый обоз, тащил ее специально. Каждый раз обставлялось помещение сызнова. По мне, дикий обычай. В дороге и при погрузке-разгрузке что-то обязательно ломается и исчезает. Ладно бы возить с собой личные вещи, но шкафы и столы?!

Хотя спать на привычной кровати, наверное, много приятнее. Жаль, реально не проверить. Моя исчезла где-то в самой глубине табора, и разыскать пока не удалось. Не до того. Я птица не самого высокого полета и в компании со столь же мелкими дворянчиками могу и на полу отдохнуть. Во всяком случае, пока все не доведут до ума. В первую очередь обеспечивать положено начальство. Когда дорасту до высокого чина, тогда и побеспокоятся о моем комфорте.

Честно сказать, в прежней жизни я Питер не удосужился посетить, но после Москвы вряд ли можно было ожидать увидеть здесь сильно знакомые пейзажи. Даже при условии проезда через самую благоустроенную старую часть города. Но выглядело все очень странно. Огромные пустыри – и рядом нарядные дворцы.

– Вы устали? – негромко спросила госпожа Адеркас. – Ваше высочество? – не дождавшись ответа, позвала вторично. – Свет в глаза бьет, – пробормотала Лиза по-русски.

Я невольно напрягся. Солнце было с другой стороны, с чего бы ей жаловаться. Кроме того, немка по-нашему выучила три слова и вряд ли что поняла. Для воспитанницы достаточно странно, она таких вещей не должна забывать. Что-то не слава богу.

В очередной раз отвлекаясь, забыл о своих прямых обязанностях. Мое дело – бдить и наблюдать за Лизой, а не крутить головой по сторонам. Мало ли что в карете присутствует весь курятник, начиная от гофмейстерины и заканчивая двумя француженками и тремя фрейлинами. Слава богу, мамаша со своими служанками в отдельном экипаже располагается. И пустили-то сюда со скрипом, просто потому что вроде как свой. В женском коллективе не место. Могли и к лакеям определить – спасибо, числюсь под званием «личный секретарь». Положение позволяет смотреть на прислугу свысока и претендовать на место внутри экипажа.

Двигаться внутри кареты оказалось не слишком удобно. Распрямиться по-человечески не получается, держаться не за что – если только за воздух да за девиц. Еще и швыряет на выбоинах. Наверное, так чувствуют себя в маршрутках. Хотя никогда на себе не проводил испытания.

В детстве даже на автобусе не ездил. Отвозили и привозили на джипе. Хорошо еще за ручку в класс не водили и

под дверями охранники не торчали. На меня и так косились, притом школа была из привилегированных. В нашем городе считалась лучшей, и с улицы туда не брали. Английский я оттуда вынес, за что искренне благодарен. Весело было бы мне в швейцарском интернате, не умей я изъясняться по-ихнему.

– У нее температура, – добравшись до ея высочества и бесцеремонно пощупав лоб, объявил во всеуслышание. – Горит прям не хуже печки.

Тут по логике требуется возопить: «Вы куда смотрели!» – но крайне неуместно. Мало того что я сам проморгал, так еще начнем выяснять отношения. Не ко времени. Крайне-го найдем без проблем задним числом. А вот с Лизой явно нужно что-то делать. Добрых тридцать восемь градусов на ощупь, без термометра никак не ошибешься. Может, и больше. Не было печали.

Е-мое! У нее еще и пятна на лице. Только не оспа! Я не мог так ошибиться! Господибожемой, не оспа это! Не может такого быть!

– Врач нужен. Лучше Санхеца позвать. И ехать во дворец. Срочно.

– Как же так! – всплеснула руками пруссачка. – А торжественный молебен в Исаакиевской церкви?

– Упадет там в обморок – что люди подумают?

– Я? – вяло пробормотала Лиза. – Нет!

– Плохая примета для царствования, скажут.

Этот аргумент ее, похоже, пронял. Госпожа Адеркас больше не колебалась. Тут уж точно она из России вылетит с дурными рекомендациями. Уверенным тоном принялась раздавать приказания. Это ее прерогатива, не моя, а то и разговаривать бы не стал. Когда требуется, наша гофмейстерина не хуже Акулины Ивановны всех строит. Не зря ее пригласили. Посмотрит, и сразу хочется встать навытяжку.

Очень скоро мы неслись против течения под крики кучера: «Дорогу! Дай дорогу!» Ну и под соответствующую ругань. Девочки с интересом прислушивались.

Из кареты я вынес Лизу на руках. В принципе, наверное, и сама бы дошла, но когда пожаловалась еще и на головную боль, я рисковать не стал. Веса в ней немного, не перетружусь. А нарушение этикета спишем на крестьянскую дубоватость. Еще не хватало, чтобы действительно упала. Люди все видят, а язык каждому не пришьешь.

После коротких препирательств с раззолоченным павлином – то ли высокий чин, то ли открыватель дверей – мы всей толпой проследовали за очередным проводником. Как обычно, с успехом подтверждая несостоятельность даже имеющихся знаний (картинки я видел), никакого Зимнего дворца в природе не оказалось. На его месте стоял совсем другой, почему-то именуемый Адмиральским домом.

Что любопытно, говорливый слуга поведал на ходу, что перестройка его началась еще в декабре 1730 года. Похоже, перебираться из Москвы Анна Иоанновна задумала с самого

начала. А вот этого я уже не понимаю. Чужой для нее абсолютно город Петербург. В Москве в детстве жила и должна была сохранить приятные воспоминания. Нет, носится туда-сюда.

Переделки, переезды без конца и края. Это же не на поезде или самолете. Добрый месяц тащились, хотя расстояние совсем небольшое. Меня лично поездка всерьез достала. Хуже только паломничество с Елизаветой Петровной. С утра не знаешь, чем займешься вечером и где. Ни порядка особого, ни плана предварительного.

– Нельзя сюда! – встав на пороге, вскричал очередной лакей в раззолоченных одеждах. – Еще не готово.

Молча отпихиваю плечом и прохожу внутрь. Натурально мебель не поставили, на окнах занавески отсутствуют, и вообще достаточно неуютно. Помещение большое, но пусто здесь и плохо протоплено. Холодно.

По слухам, мебель еще и потому перевозили, что Анна Иоанновна боялась порчи, всяческого колдовства, особенно когда в Курляндии обнаружила под кроватью куриные косточки. Кто-то явно желал извести ее, тогда еще, правда, не императрицу. Мысль, что собачка могла затащить и устроить тайник, сразу отметалась. Раз рядом обнаружен волос, непременно некто задумал погубить.

– Шубу положите сюда, – говорю приказным тоном.

Укладываю Лизу, наваливаю сверху еще одну.

– Одну минуту, – говорю ей тихонько, обратив внимание,

как прикрывает покрасневшие глаза. Не так уж много света. – Сейчас окна закроем. Ты здесь старший? – спрашиваю продолжающего возмущаться павлина.

– Я же говорю...

– На, – бью в зубы так, что рука заныла, а он аж к стене отлетел. Катя радостно взвизгнула. Судя по горящим глазам, чисто для проформы. Ее все происходящее скорее забавляет. – Встать!

Он поспешно вскочил, не дожидаясь, пока примутся бить ногами. Нравы здесь достаточно простые, и вряд ли я первый сильно недовольный. Сатисфакции он от меня не дожидается, даже если и имеет титул, в чем сильно сомневаюсь. Я все равно не умею фехтовать и не соглашусь.

– Чтоб через четверть часа здесь стояла кровать, окна занавешены и в комнатах было тепло. Иначе я тебя, паскуду, на части порву. Возьму за ножки твои кривые и разорву. Понял?

– Да, господин, – поспешно отвечает, размазывая юшку по лицу. То ли зуб ему выбил, то ли парочку, но слюна красная.

– Остальным займешься после исполнения данного приказа. Как-то: обеспечить малый двор всем положенным, включая стулья, еду и горячие напитки. – Чего стоишь? Действуй!

– Как вы его, – пробормотала госпожа Адеркас, – Михаил Васильевич?

– Wer lange droht, macht dich nicht tot, – без особой радо-

сти отвечаю. – Кто долго грозит, тот тебя не убьет. У меня нет времени объяснять и упрасивать. Сначала исполнение, затем – объяснения.

– Мне тоже нужно кулаком по мордам? – Последнее слово она произнесла на русском с отчетливой насмешкой.

– Настоящая... умная женщина никогда не кричит на мужчину... Приказы отдаются спокойно, четко и ясно!

– Вбивать можно только тот гвоздь, который вбивается.

Это очень похоже на хорошо знакомое: «Приказы отдаются, только если уверен в их исполнении». В сущности, так и есть. На некоторых правильней воздействовать не прямыми указаниями, а исподволь. Но то в теории. Сходу иногда сложно разобраться и гораздо удобнее двинуть вгрызло. Впрочем, я не особа слабого пола. У них свои методы, ничуть не хуже.

– Женщинам, – со всей возможной серьезностью говорю, – карьера дается труднее, ведь у них помимо отсутствия больших кулаков нет жены, которая толкала бы их вперед.

Мы улыбнулись друг другу. Кажется, она не столь уж похожа на воблу. Разве внешне. И юмор понимает. Да и ко мне до сих пор нормально относилась – без особого панибратства, но и не свысока. Я сам виноват, что вычеркнул пруссачку из мысленных расчетов, записав в чьи-то конфидентки. Надо бы исправиться. Встретаться нам еще долго, и биться лбами излишне. У нее своя сфера деятельности, у меня дру-
гая.

– Корь, – сказал Санхец после осмотра. Мне почти физически полегчало. Аж камень свалился с души. Очень увесистый. И дело даже не в том, что бы со мной сделали. Хотя себя безусловно жалко, и даже очень. Это означает полный провал в самом важном из моих достижений и откат в неизвестность с плевками в спину. Вакцинацию прикроют лет на сто по минимуму. – Обыкновенная корь.

Тут даже я в курсе. От этого не помирают. Все дети рано или поздно болеют корью, краснухой и свинкой. Правда, помимо названий я еще помню, что свинка опасна во взрослом возрасте: приводит к бесплодию. А с симптомами швах. Собственных детей не успел завести и не в курсе, чем болел в детстве. Причем в обеих ипостасях. Не отложилось в голове.

– Я зря запаниковал?

– Почему? Часто промедлить с помощью – как у вас говорят, авось само пойдет, – вроде как вообще не помогать... Вы все сделали очень правильно. Если не обеспечить правильного режима, могут случиться и осложнения. А это очень неприятно. Вплоть до глухоты.

– А правильный – это как?

Гофмейстерина покосилась на меня с любопытством. Даже если бы знал, не мешает уточнить. Вот ей наверное известно: не первый ребенок, у коего в качестве гувернантки. Случайно к принцессам не попадают. Надо бы уточнить, кто порекомендовал.

– Изолировать от окружающих, в особенности от детей.

Я посмотрел на госпожу Адеркас.

– Я проверю, кто болел, – согласилась без второго слова. – Остальных вон, – и удалилась к остальным, вызывая зависть своей изумительно прямой спиной. Я вечно сутулюсь. И в том теле, и в данном заново. А у нее будто в платье засунули доску. Позвоночник не сгибается и, пожалуй, даже не может согнуться.

– Постельный режим, – продолжил доктор, – и жидкая пища. Затемнять комнату не обязательно, но и не мешает.

– И как долго?

– Дня три-четыре общее недомогание, вялость, разбитость, понижение аппетита, нарушение сна, головная боль. Возможно усиление насморка, появляются грубый кашель и сыпь. Сначала лицо, затем туловище и руки, потом все остальное. Кстати, уже наблюдается. Очень скоро сыпь побледнеет и исчезнет.

Он подумал.

– Симптомы пропадают в обратном порядке. Расчесывать не рекомендуется.

– Завтра...

– Безусловно зайду, – он почти обиделся. – Сейчас обязан представить доклад императрице.

Ну это понятно. Доложить обязан.

– И это... Постарайтесь не особо пугать Екатерину Иоанновну... – В смысле, родную мамашу. – Ничего особо ужасного не произошло. Все дети через это проходят, и очень во-

время заметили.

– А что с ее матушкой?

– Она и так тяжело больна.

– Что с ней?

Санхец всем видом продемонстрировал, насколько неуместно мое любопытство. Женские немощи и болезни не для праздного разговора.

– Извините, – повинулся.

Еще раз поблагодарил и за расторопность, а он в ответ закатил глаза к потолку. Видимо, достала доктора моя выпренность. Он исполнил долг, и нечего за это рассыпаться в благодарностях. Присмотр за членами императорской семьи входит в его обязанность. За то и деньги немалые получает.

– Надо признать, – светским тоном сказал Санхец, явно подводя черту под лекарской консультацией, – ваш совет оказался недурен. Трудно было найти для дальней дороги что-нибудь лучше, чем русские колмогорские сундуки.

Ну еще бы. По зрелом размышлении я к своим бывшим хозяевам квартиры направил. Им хорошо – и мне дополнительная благодарность. Не в Архангельск же натурально посылать. А наши поморские сундуки были не тяжелыми, прочными и не слишком дорогими. Внешне красивы, окывались железом и медью, обтягивались тюленьей кожей и снабжались замками с секретом.

Федор Пятухин с семьей делал их самого разного размера, на любой случай. Имелись огромные, которые нельзя вез-

ти на крыше кареты, а только на багажных возах. По желанию делали и небольшие. Короче, любых размеров, вплоть до возможности вкладывать один в другой. Это я проверил уже самостоятельно. Освободил от имущества или там еды по дороге – вложил. Место освобождается, и выкидывать не надо. Все под рукой. Появилось новое добро – извлек и загрузил наново.

– У нас в стране много замечательных людей и вещей. Надо лишь знать, куда обратиться.

Глава 2. По делам и награда

– Фридрих Вильгельм в некоторых отношениях очень похож на вашего императора Петра, – сказала госпожа Адеркас, отвечая на мой вопрос о Пруссии.

Основная работа по изоляции больной и сопутствующим делам проведена, лишние люди разогнаны. Полезные получили указания. За куриным бульоном и самоваром (горячий чай живителен) отправлены слуги. Мы просто вежливо беседуем о том о сем. Гофмейстерина отнюдь не глупа и многое знает. А мне интересно.

– Он ведет себя очень просто, будто и не монарх. Может зайти в крестьянский или в бюргерский дом. Король без стеснения заглядывает в кухонные горшки и ведет с хозяйками непринужденные беседы о последних ценах на рынке. Потом проверяет на дворцовой кухне, по каким ценам продукты приобретены. Нет, – возразила на не произнесенное, но видимо достаточно понятное, – не из жадности. Он хочет знать о реальной жизни, окружающей его. Хотя, – она слегка улыбнулась, – умеет и для своего кармана извлекать пользу. Один случай оказался достаточно громким. Однажды он отведал у садовника бараньей требухи с белокочанной капустой, пришел в восторг и приказал приготовить это блюдо. Затем он спросил главного повара о цене кушанья – ведь садовник назвал ему смешную сумму в полтора гроша. Повар

сообщил, что блюдо стоит три талера. Фридрих Вильгельм выскочил из-за стола и буковой палкой отсчитал ему разницу между этими суммами.

– О! Это по-нашему. Действительно натуральный император Петр. Чуть не по его – дубиной.

– Je mehr Ehr', je mehr Beschwer¹, – очень серьезно подтвердила она.

С этим я не могу не согласиться. Чем больше чести, тем больше трудностей у тебя. Только вот соотнести с королевскими возможностями никак. Стал бы я стесняться и кого уговаривать, угоди не в крестьянского сына, а в царского. Быстренько бы все запрыгали под дирижерскую палку из крепкого дерева.

Хотя... если нормально подумать... ну его. Не в России. Они вечно плохо кончали. В смысле – царские дети. Да и спросить меня как-то позабыли. Если было кому интересоваться. Я уже не очень верю в некую миссию или высшие силы. Ни в чем они не проявляются. И глас с небес не раздастся. Не говоря уже о не слишком удачном подопытном экземпляре. Ни многолетнего умения воевать, ни интриговать не имею в прошлом жизненном опыте. Ну да, пока устроился совсем недурно, но что от того богу или инопланетянам – тайна для меня глубока. И думать о том уже давно не хочется.

– Его дом, его двор, его страна – все это для нашего коро-

¹ Чем больше чести, тем больше трудности (нем.).

ля одно и то же. И он действительно заботится о своем народе. В королевских доменах крестьянам живется много легче, чем у помещиков. В городах ремесленники получают льготы. Король даже прямо запретил продавать шерсть и другие необработанные товары за границу. Только ткань и изделия!

Очень хотелось спросить, чего она тогда приехала в дикую Россию, если в ее разлюбезной Пруссии столь замечательно живется. Только оказалось не ко времени.

Издалека донесся топот множества ног, и достаточно скоро помещение заполнилось толпой народу. Ея величество Анна Иоанновна самолично прибыла с проверкой в сопровождении множества высокопоставленных лиц.

При всем старании я половину не успел запомнить даже в лицо. Правда, от меня этого и не требовалось. Малый двор был в основном пятое колесо в телеге. Никакого влияния на политику любого рода – экономическую, внешнюю, внутреннюю – оказать не мог. Придворные замечательно чувствовали направление ветра и зря себя утруждали. Если Елизавету Петровну просто боялись без веской причины посещать, то Лиза получала лишь поклоны и заверения в искренней преданности. По большей части пустые слова.

Головная часть процессии в сопровождении ощутимо побледневшей гофмейстерины проследовала в покои. Ее императрица позвала почти незаметным жестом, поманив пальцем. Лично меня никто не стал приглашать. В каком-то смысле даже спокойнее. Основную задачу по обеспечению

комфорта и изоляции больной выполнил – дальше уже вмешиваться не стоит.

Вот чего они дружно поперлись внутрь? Сами теперь разнесут болезнь. Допустим, кори не боятся, но заразить кого – запросто. Не мог не объяснить Санхец таких вещей. Плевать. Моя должность не медицинская, чтобы кидаться под гусеницы с гранатой в надежде остановить начальство в его вечной дурачности. Пусть с последствиями сами разбираются.

– Вы слышали о новом высказывании господина Тредиаковского? – негромко спросил появившийся рядом князь Одоевский после соответствующих приветствий. Насколько мне известно, все его достоинство состоит в наличии деда-боярина и соответственно высокого самомнения. Не может не подколоть при случае мужика из простонародья. Ну почему бы не ответить тем же.

– Это тот, что переводчиком в Академии наук устроился, Иван Васильевич? Еще какой-то фривольный романчик французский на наш язык переложил?

Он на мгновенье от эдакой наглости аж потерял дар речи, токмо глазами хлоп-хлоп. Ожидал, что примусь нечто доказывать, а я вроде в первый раз слышу. Вся образованная Россия – а это означает не очень большое количество народу – недавно получила замечательное поле для обсуждения. Тот самый Тредиаковский, непонятно из каких соображений считающий себя великим поэтом, разразился в ответ на мою статью «О правилах российского стихотворства»

бочкой желчи и кучей коричневой субстанции.

Я, честно говоря, не очень удивился. Обязательно кто-нибудь да нашелся бы. Конкуренция среди виршеплетов всегда переходила в открытую ненависть и грязные разборки. С одной стороны – плюнуть и растереть. Пиар есть пиар, черный тоже полезен. Мое имя у всех на слуху. С другой – мало приятного, когда тебя на всех углах поливают. Тем более в моем случае.

Я три месяца старался, писал. Черкал и переделывал. Исправлял и добавлял. Никогда так не старался, даже со статьями об оспе. Там все четко и ясно: факты, сделано, результат, свидетели, количество опытов; проверка и прочее. Расписано по пунктам, включая выводы и предположения. С литературой так не выйдет: каждый мнит себя великим специалистом.

Нам в Спасской школе так прямо и утверждали: должна быть рифма с ударением на предпоследнем слоге (женская). И никак иначе. Но это же дурь реальная! Правило использовать женскую рифму пошло от польского языка и отражает особенности чужого, пусть и славянского, наречия.

В русском языке ударение может падать на любой слог. Поэтому слепо следовать правилам, подходящим для Польши, противоестественно для России. Стихи следует сочинять по природному свойству нашего языка, а не насиловать их, укладывая в прокрустово ложе чужих правил. Даже несколько вариантов рифмованных сочинений привел и ука-

зал на необходимость отстаивать чисто русские традиции в говоре и стихосложении. Добавил о важности искать наиболее адекватные способы развития языка, сообразуясь с потребностями эпохи. Что за низкопоклонство, в конце концов! Поменьше высокопарности и заимствований. Где без иностранных слов обойтись нельзя, никаких проблем. Но употреблять без разбору?!.

– Он подробно разбирает ваши вирши, Михаил Васильевич, – разродился желчью князь, – и указывает на недостаточное знание московского говора.

– Мы вроде в Петербурге находимся, – удивился я, поставившись передать недоумение голосом. – Неужели и здесь нет отличий?

– И все же было бы неплохо ответить, – обернувшись, сказал барон Строганов.

Младший сын того самого солепромышленника Строганова. Не знаю насчет размера состояния, но подозреваю изрядные богатства. А по жизни человек достаточно приятный и умный. Не ведет себя на манер выскочек, пытаюсь показать, насколько велик, демонстрируя спесь. Мы с ним очень мило пообщались в дороге, и вовсе не на тему стихов. Про оспу и ее лечение. Очень заинтересовался и готов помочь в дальнейшем продвижении методики. Даже пригласил на свадьбу с Софьей Кирилловной Нарышкиной, вскорости должную состояться. Я не напрашивался – сам позвал. Теперь мучайся с подарком.

– Простите, что вмешиваюсь без приглашения, – воспитанно добавил он.

Оказывается, к нашему милому обмену мнениями по поводу литературы с интересом прислушивались. Вон еще рядом парочка настороженных ушей. Всем любопытно, как стану отбрехиваться от обвинений в излишней простоте слога, отсутствии настоящей книжной учености и вылазящим отсюда попыткам упростить язык. Я ведь сам прямо в статье так и провозгласил: необходимо считаться с избытком речений на просторах нашей великой страны, убегать старых и неупотребительных выражений, которых народ не понимает, и не сохранять неизвестно зачем оных, которые в простых разговорах неупотребительны.

Не случайно, ох, не зря прицепился Феофан со своим требованием написать «О пользе книг церковных в русском языке». Вывод из моих слов прямо напрашивается элементарный. Оставить позади старый церковно-славянский и идти дальше, развивая язык на основании его природных свойств и взаимно обогащая диалекты. Фактически так давно и есть, но вслух сие произнести – не очень красиво.

– Зачем? – я показательно изумился. – Все предельно конкретно сказано. Я даже привел примеры различных рифм. Наш язык обладает неимоверным богатством и красотой. Вовсе не нуждается в разделении на высокий или низкий стиль.

– Слагать вирши на неблагозвучном материале... – ядо-

вито отозвался Одоевский.

Я ему крайне не нравлюсь. Скорее всего, по причине происхождения. Прямо высказываться опасается, а подколками регулярно радуется при встречах. Почему-то в России есть лишь высшее и низшее общество. Среднее практически отсутствует. А я как раз посредине и болтаюсь.

– Я надеюсь, будущее нас рассудит.

– А почему бы не сделать проще, Михаил Васильевич?

– Это как?

– Ну возьмите одну тему – и пусть каждый напишет собственным стилем и размером.

Вот не было печали. Устраивать соревнования. Я же не Пушкин, сходу не сляпаю. Строганов мне помочь хочет, да выходит медвежья услуга.

– А судить кто станет, Сергей Григорьевич? – спросил с ухмылкой. – Вы или князь? Или немца какого позовем для правильного рассуждения и о чистоте, и о красоте русского языка? Нет уж. «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца». Пусть бесится, – говорю, почти напрямую обращаясь к князю Одоевскому. Я знаю себе цену.

Гул голосов неожиданно прервался с распахнувшейся дверью. Вся здешняя знать быстренько выстроилась шпалерами вдоль пути и замерла в тревожном ожидании. Широким мужским шагом в зал вступила императрица Анна Иоанновна. За ней устремились и остальные. В общей группе ближних допущенных лиц промелькнул и архиепископ Фе-

офан.

Мой личный духовник. Наверное, столь пламенной и честной исповеди он еще ни разу не удосужился выслушать. Я вывалил святому отцу на голову полный набор смертных грехов. Все так и есть. Гневен, подвержен гордыне, завистлив, ленив, алчен, люблю вкусно поесть и не прочь заняться прелюбодеянием. То есть, проще говоря, бегал по чужим женам. Заполировал еще убийством по неосторожности и долго каялся.

Слез, правда, размазывать не стал, не настолько я плохо ценю Феофана. Его так просто не облапошить. Сам не праведник и с другими людьми самого разного калибра много лет имеет дело. Так что искренность абсолютная, с примерами. Единственное – баб по именам не называл. Он особо и не настаивал. Не из тех, что вечно любят зацепиться за клубничку и посмаковать. Архиепископа даже мой трупешник не заинтересовал. А вот по поводу гордыни и зависти полюбопытствовал. Все же вера в свои великие возможности и желание из грязи в князи пролезть не каждый день открыто проявляются.

Исповедуясь, я постоянно держал в голове, что святой отец стукачок позорный. Потому в основном распинался, помимо желания обогатиться, еще и принести пользу Родине, но самое важное – о величии императрицы, мечте ей угодить, подняв притом свой статус и материальное благосостояние.

И пусть кто скажет, что все остальные о том не думают. Я ничуть не лучше и даже не скрываю. Хотя в душе безусловно раскаиваюсь. Все же грехи тяжкие. Помимо самовара, пришлось и деньгами подношение дать на церковь, но это уж как водится.

Главное, очистил меня, и после соответствующей епитимьи я получил отпущение грехов. Полное и окончательное. А уж сколько раз молился согласно наложенному на меня, того ему знать не нужно. Во всяком случае, расстались мы довольные друг другом. Я – полученным благословением, он – убежденный в возможности воздействовать на меня прямо или косвенно.

Раз уж такой весь из себя грешник, проще включить в свои расклады. С идейными и бессребрениками тяжело иметь дело. Никогда не знаешь, какой финт способны выкинуть, взбрыкнув на пустом месте. А я насквозь понятный. Хочу подняться, денег и всего прилагаемого к высокому статусу. Значит, со мной можно иметь дело и в будущем. Только предложение должно оказаться достаточно заманчивым.

– Молодец, господин Ломоносов, – сказала царица, останавливаясь напротив меня. Трубецкой за ее спиной откровенно маялся тяжкими предчувствиями и хватался за грудь. Вряд ли похвалят за неведение и отсутствие своевременного доклада. А уж на виду у всех привечать подчиненного, игнорируя вышестоящего, – знак немилости. Как бы он задним числом не отыгрался. – Все правильно сделал.

– Служба вам, милостивейшая государыня, не долг, а счастье, – патетически провозгласил я.

– Собственным примером показал усердие и верность, – уже для остальных припечатала Анна Иоанновна. – Посему и награды достоин. Дома в столице не имеешь?

– Откуда, ваше величество!

– А жить где-то надо. Не на коврике же во дворце.

Окружающие охотно посмеялись.

– Выделить ему во владение место. На Васильевском острове аль Адмиралтейской стороне. Побольше, чтобы и гостям комнат хватило.

Опять смех.

– С условием построить в ближайшие время каменный дом.

Обалдеть. А я-то думал, как устроиться. В Петербурге с приездом множества народу серьезный квартирный кризис, а я упустил момент, сидя возле Лизы. Барону неместно жить приживалом, а на особняк пока не накопил. В ближайшей перспективе – вполне: морфия у меня на тридцать тысяч доз осталось. Если понадобится, можно и в таблетках продавать. Хватит на два очень немаленьких дворца с обстановкой. Но не сразу. А здесь само в руки прет.

– Не корысти ради, династии служу!

Она посмотрела тупым взором. Кажется, перегнул. Фразочка вышла двусмысленная, но я рассчитывал, что царица правильно поймет. Служу, мол, не токмо племяннице ее, но

и самой лично. Кажется, переоценил ум верховной барыни Всея Руси.

– Мало, что ли? – с усмешкой переспросила. – И то – барон, а без земли.

Ко всему прочему, не шибко здесь баронское звание уважают. В оном числится каждый второй немец. Звучит иногда на манер насмешки. Русский барон – скорее звание финансовое.

– Я подумаю, а ты уж отслужи добросовестно.

– Век буду молить за щедрость, всемилостивейшая, – вскричал, прикладываясь к подставленной пухлой руке, униженной перстнями.

Слезы выдавить не удалось. Такое обещание равносильно ветру, где-то там прошумевшему. Но я ведь изначально губу не раскатывал, так что и недовольного изображать не стоит. Стоп, стоп! «Ветер, ветер! Ты могуч, ты гоняешь стаи туч». Почему раньше не вспомнил? А, эта сказка почему-то кусками. Ну и ладно. Всего Пушкина я не сопру. Пусть и ему останется.

– Помню свое обещание, Михаил Васильевич, – и хитренько улыбнулась.

Это про женитьбу? Так я и не выяснил, кого в виду имеет. Явно не из свиты. Не очень приятно выслушивать столь открытые угрозы. Видимо, не пронесет. Но и хорошо, что не прямо завтра.

Царица со свитой проследовала дальше, а меня приня-

лись поздравлять люди, еще недавно воротившие нос. Какой-никакой, а угодил в фавор. Из всей немалой гоп-компании к единственному обратилась прямо, да по имени-отчеству, а не Мишкой назвала. Даже Одоевский вдруг стал приятно-сладким и принялся зазывать в гости. Ага, разбежался.

С трудом я дождался, пока последние незваные гости испарятся из помещения, прихватил доставленный теплый бульон в кастрюле, завернутый во множество тряпок для сохранения тепла, и вошел внутрь. Присевшая было Танька поспешно вскочила, кланяясь. Нормальное дело сачкующие слуги. Ея величество по такому поводу собственноручно тяжелой рученькой хлещет по щекам. А я человек исключительно либеральный. Просто пальцем погрозил и сделал укоризненное лицо.

Воспитывать слуг – не мое дело. Пускай этим занимается князь Юрий Юрьевич Трубецкой. Обер-гофмейстер и прочее, прочее. Я на пустяки не размениваюсь. В зубы без крика, но исключительно при наличии повода. Просто так их мелкие вольности не особо меня касаются.

Это если не помнить, что горничные с удовольствием делятся с Танькой разными интересными вещами, а та исправно доносит до своего благодетеля – меня в смысле. Кто умудрился сахара кусок зажать или еще какая мелочь – это не трогает. А вот серьезные разговоры иногда ведутся и без моей персоны. Те же фрейлины треплют языком напропалую,

и проходит мимо моих ушей. А это недопустимо.

– Спит?

– Да, Михаил Васильевич.

– Ну и хорошо. Как говорится, «на новом месте приснись жених невесте».

Девочка хихикнула.

– Проснется – позовешь госпожу Адеркас. Сама не корми. И ежели отказываться станет, – очень хотелось сделать грозную физиономию, однако решил не маяться дурыю, а то не так поймут и доложат, – меня позовешь.

Глава 3. Казак Керим

Снег скрипел под ногами и норовил залезть за голенища сапог. Ходить тут не иначе как на лыжах положено. Ни дорог, ни расчистки. Осчастливили, называется. Было бы приятнее получить участок на Адмиралтейской. Там самый густонаселенный участок Петербурга. С давних пор строятся, и нередко без малейшего плана, вопреки желаниям самодержца о прямых проспектах и каналах. Ночевать людям где-то надо? Вот и закрывали снисходительно глаза на самострой.

– Далеко, – недовольно пробурчал Керим.

Он бы предпочел проскакать на лихом коне, а не тащиться на своих двоих. К несчастью, конюшни я пока не завел, а на чем передвигаться, решаю без его советов. Извозчик запро-сил за поездку десять копеек – я за такие деньги лучше прогуляюсь. Засиделся во дворце. В печенках уже у меня сидит разнообразная писанина.

Как вечно в России, временное решение превратилось в постоянное. Кроме всего прочего, материковую часть не заливала по весне Нева, и не мешали передвигаться ледоходы и отсутствие мостов на многочисленных рукавах и островах будущего города. Адмиралтейская слобода бесконтрольно разрослась, улицы ее достаточно быстро стали напоминать нормальные русские или, если угодно, московские. Куча тупиков, кривых улочек и стихийных рынков. Правда, и

горели дома частенько и дотла.

Посему на Васильевском уже при Петре образовался центр города, его парадный вид и витрина. Там прокладывали линии и строили набережные. Правда, не такой уж большой оказалась застройка, а императрица явно вознамерилась продолжить с прерванного отъездом Петра Второго строительства. Во дворце передавали ее желание заставить знать воздвигать дворцы здесь, на специально выделенных участках, переехав из Москвы. Идея в принципе не новая. Основатель Петербурга ее уже опробовал, да особого толку не добился. Ну и я, видимо, угодил под это дело.

Шутка насчет величины дома оказалась воспринята исполнителями на редкость серьезно. Судя по моим прикидкам, здесь не один участок, а шесть. Серьезная привилегия и обошлась мне абсолютно бесплатно. Правда, попутно в жалованной грамоте еще и четкое указание: в течение пяти лет построить каменный, а не деревянный дом. То встанет в серьезные расходы.

– И чего тут рассматривать? – опять подал недовольный голос мой телохранитель. – Ничего же не увидеть, пока снег не сойдет.

– Вода куда подходит, видишь? – я ткнул пальцем. – Там строить – себе вредить.

– Так никто и не пытается, – очень логично возразил Керим.

На добрый километр отсюда никакого жилья, даже самого

захудалого.

Умом я все прекрасно понимал. Не так давно город основали и прочее, прочее. Но когда видишь эту пустоту, практически в центре Петербурга, а с другой стороны растет самый настоящий лес, подобно стене скрывающий противоположный край острова, становится дико. Меня даже Москва так не удивляла. Там все-таки куча народу и множество древних зданий. А здесь – пустота и ветер. Несколько отдельных слобод и полное отсутствие общей городской черты.

Между прочим, а если эти отметки слегка подвинуть, хапнув дополнительную площадь? Ну затес на столбе. Великая проблема вкопать подальше. Кто проверит? Да и обнаружат – всегда можно сослаться, что так и было с самого начала. Или ну его?

Недвижимость в центре столицы в цене падать не будет. Мои потомки, если, конечно, они появятся, неплохо смогут навариться, продав землю. Это, ко всему прочему, серьезный стимул к покупке в дальнейшем домов и участков. Уж что-что, а даже при полном незнании будущей застройки несложно догадаться, насколько выгодно будет иметь пусть и не в центре, но в самом Петербурге доходные дома. Сдавать, например, зажиточным, но по каким-то причинам не готовым покупать особняки с дворцами.

Без архитектора здесь не обойтись, но я и так достаточно хорошо знаю, чего хочу. Уж свой собственный дом, в котором провел детство, не изобразить хотя бы в общих чертах

– надо быть дебилом.

Значит, ограду с ажурными узорчатыми воротами. От них идет дорожка, которая ответвляется в сторону постройки чуть слева. Там у нас был гараж, здесь соответственно конюшня. Еще пристройка для слуг, хозяйственные сараи, погреб для продуктов, амбар. Деревья для тени. Хотя проще сохранить часть уже растущих, не вырубая бессмысленно. Если получится, можно небольшой садик устроить с летней беседкой.

В глубине двора поставить двухэтажный дом, отгороженный от остального участка забором из досок. Или сразу каменным. Желтый цвет стен и белые колонны. Смотрится приятно. Количество комнат, салон для гостей – это все без проблем. А вот с туалетами надо хорошо подумать. В принципе никаких проблем вывести трубы прямо в реку. Ниже по течению.

Насчет загрязнения законов, кажется, не существует, но для воды понадобится отдельный колодец. Водопровода еще не придумали, как и очистных сооружений. Самое интересное – сливной бачок. Я могу его изобразить, уже пробовал. Конечно, из пластмассы за неимением не выйдет, придется вместо подвесного чугунный устанавливать и начинку из железа, но вопрос решаемый. А вот откуда брать воду? Самоходом вверх не пойдет.

– Ладно, – произнес вслух, – посмотрел. Заодно и погуляли. Пора и честь знать. Топаем назад, пока не стемнело.

Керим с готовностью развернулся, не пытаясь ничего сказать. Он очень послушный. До определенных пределов. Задевать его честь, что бы ни значило, никому не позволительно – так и предупредил с самого начала. Не удивлюсь, если в один прекрасный день, обидевшись, просто канет в неизвестность, как пришел без спроса и разрешения. Как с такими понятиями в рабах ходил, я не понимал, а он объяснять не желал. Сразу замыкался. Ну, не шибко важно...

Вода для слива... Насос, вместе с электричеством, мне нало, отсутствует. Выходит, на первом этаже устроить, а воду сверху. Но как туда поднять? Проще всего заставить прислугу таскать, как в ванну, да ведь разбегутся горничные от такой работенки. Каждый раз после посещения унитаза бегать с ведром. Дешевле напрямую сливать из него этажом ниже. Кстати, тоже вариант. С кем бы обсудить серьезно. Ладно, до весны терпит, даже проекта пока нет, но пришла пора взяться за здание всерьез.

Требуется не меньше двух корпусов дополнительно. Или один большой. Нет, вроде не поместиться. Ставить по углам участка, отдельные. И входы самостоятельные. Для химических опытов и механических. Вытяжку обязательно соорудить, а то перегонять нефть в закрытом помещении – недолго и до головной боли доработаться, и пары взрывоопасны. Еще кучу всякого оборудования дополнительно заказать. Помимо баночек да колбочек, уже имеющихся, печь плавильную, обжигательную, мехи для раздувания огня и

бог знает что еще. Тиски, например, и точные весы.

Деньги, деньги, постоянно деньги. Чуть полегче становится – сразу опять траты на очередной проект. И немалые. А Анна Иоанновна совсем обалдела. Требует на прием два раза в одном платье не ходить. Так кого угодно до долговой ямы довести можно. Зачем эта быющая в глаза роскошь? Иностранцев поражать? Да плевать на их мнение. От золота польза должна быть, а не блески красивые в воздухе. Нет, на удовольствие тратить – это совершенно нормально. Так именно для удовольствия, а не напоказ!

– Хочешь свой отдельный флигель? – спрашиваю без особого интереса. – Могу построить. Скажи какой.

– Не заслужил пока, – отвечает Керим серьезно, почти дословно повторяя догадку.

Так не завтра же, пока и на походной койке поспишь, мысленно возражаю. Хорошо еще, не укладывается прямо на коврик у двери. И ведь все из самых лучших побуждений: ни одна собака мимо не проскочит. Обязательно споткнется о него и нашумят.

От резкого толчка я улетел вбок, приземлившись задницей в сугроб. С запозданием обнаружил дымок от пистоля в руке здорового детины. Еще двое, с немалого размера дубинами, ломились от деревьев в нашу сторону со зверским выражением на бородатых мордах. С оторопью понял – это не просто грабители, они готовы убивать изначально. И стреляли, а я даже ничего не заметил.

– Псы паршивые, – сказал Керим презрительно и двинулся навстречу, выхватив откуда-то громадный тесак. Честное слово, я его раньше не видел. И вообще больше всего это орудие смахивает на мясницкий нож, спертый на кухне, а не на приличную шпагу.

Керим танцующей походкой уклонился от удара, мужик взвыл, роняя дубину вместе с кистью и падая на колени. Нырнул вниз и вбок, заставив раскрыться второго в широком замахе. Со спины ничего не разобрать, детина странно булькнул и завалился на спину, держась за горло. Тот, с пистолетом, видать, оказался сообразительным и метнулся под елки. Керим швырнул ему вслед свое орудие. Никогда бы не подумал, что оно может быть метательным. Во всяком случае бандит с шумом завалился, взметнув над головой грязные подошвы.

Все это произошло настолько быстро, что я только и успел подняться. Даже не пытаясь окликнуть своего телохранителя, деловитым шагом направляющегося к елкам, подошел к сваленным грабителям. Безрукий продолжал сучить ногами, уже не стараясь зажать обрубок руки. Жизнь из него уходила прямо на глазах, стремительно. Второй и вовсе не нуждался в помощи. Это со стороны казалось, что голова на месте. Керим одним ударом перерубил бедняге позвоночник, и она не отлетела исключительно по причине держащего остатки шеи лоскута кожи.

Мне всерьез поплохело. Такого видеть еще не приходи-

лось. Из желудка в рот пошла кислота – и лишь огромным усилием удержался, не обрыгав труп. У него и без меня видок отвратный, однако нет причины уделывать хуже. Отошел на ватных ногах, стараясь не коситься на черный от крови кожих и растаявший в красную водицу снег. Мало приятного любоваться такими вещами.

Не прошло и пары минут, как вернулся Керим, волоча за ногу третьего. Он не особо выбирал направление, и голова бандита пару раз отчетливо треснулась о мерзлую землю и камни. Человек извергал смачную ругань, но особо не дрыгался. Руки стянуты какой-то веревкой, а физиономия вся разбита.

– Он что, живой? – очень «умно» спросил я сипло, в душе счастливый, что получил хоть чуток времени и успел прийти в себя. Позывы к рвоте задавил, ноги практически не дрожат с перепугу и даже способен разговаривать.

– Так спросить надо, кто послал и зачем.

– Грабители, будто не видно. Одеты прилично, вот и решились разжиться.

– А стрелять зачем? – очень логично потребовал Керим.

– Пугали мы, – взвыл мужик не очень убедительно. – Христом богом клянусь, никого убивать не собирались.

– Целым ты ведь не нужен? – спрашивает Керим.

– А что?

– Ну там пальцы отрежу, глаза выколю, от носа и ушей избавлю. А убивать – ни-ни.

– Он присел возле пленного, и тот взвыл от боли.

Что конкретно сделал, я не разобрал, однако ножа в руках Керима не имелось.

– Керим! Прекрати!

Он обернулся на меня со странной смесью жалости и насмешки во взгляде.

– Вы бы, Михаил Васильевич, шли по дороге, будочника позвали али еще кого. А мы тут сами разберемся.

Бандит взвыл, призывая к милосердию и каясь во всем сразу, причем ни одного конкретного имени или даты не произнес. А я подумал и не стал возражать. Всепрощеньем не страдаю – просто не вижу необходимости мучить человека. Места здесь такие, не первый случай. Правда, действительно до сих пор имущество отнимали, на жизнь не покушались.

А если кто и подкинул этим ребятам пару монет лично меня пугануть, он вряд ли представился по всей форме. Беднякам я дороги вроде бы не переступал, да и не станут нищие нанимать сомнительных чужаков. Компаньоны мои по разным деловым гешефтам подсылать тоже не станут. Не те люди, да и воспитание.

Кое-кто раньше вполне способен был дать в морду, вроде Козьмы или Демида, но с моим дворянством уже чувствуют свое место. Разве на спину украдкой плюнут – чего серьезнее не посмеют. Да и договорился я со всеми нормально, не стал жилы дергать и лишать последнего. Какой им смысл?

Графы с отребьем лично не якшаются, через посредника все справят. Ну назовут кабак, где встречались. Дальше что? Искать концы муторно и заранее известно – бесполезно. Да и не верю. Никому особо не мешаю. Я в политике нуль, полный. Должностей не имею и ни на что не влияю. Вот перейди дорогу кому-то всерьез – могло бы и приключиться.

– В карманах у них пошарь, – говорю на прощанье. – Вдруг что интересное найдешь. По-любому трофеи честно заработал.

– Это уж как водится, – пробурчал Керим за моей спиной. Не прошло и минуты, там раздался сдавленный стон. Не в курсе, принялся он исполнять обещания насчет шинкования или пока развлекается, но проверять не стану.

– Надо было убедиться, – уверенно заявил он поздним вечером, когда наконец мои мытарства по привлечению народа к уборке трупов и отправлению живого в тюрьму закончились. Мы, добравшись до дворца, уселись за стол. Поужинать, а заодно и выпить – кому как, а лично мне не мешало. – Вдруг подсылы, так и еще придут.

Уж больно денек выдался неординарным. Я изрядно пополнил мысленный реестр недостатков и глупостей в здешней России. Никто не желал брать на себя обязанности заниматься происшествием. Полиции в моем понимании не существовало. То есть нечто имелось в виде пресловутых будочников, перегораживающих по ночам кварталы и обязанных следить в них за порядком, чистотой, сомнительны-

ми людьми, – список положенного оказался при ближайшем рассмотрении длинен. Другое дело – реальность. Чаще всего они и не высывались на крики: своя шкура дороже.

С офицерами положение тоже обстояло не лучшим образом. Чаще всего в полицию попадали после армии – пожилые или инвалиды, не сделавшие карьеры. То есть, скорее всего, неудачники, глупцы и неумехи. Более умные предпочитали лучше оплачиваемую и престижную службу. Знанием законов даже начальство не было обременено, никаких методичек в принципе не существовало, как и курсов по повышению квалификации. Ну и вели себя начальники соответствующим образом. Чаще всего поступая не по правилам, а по справедливости. Иногда это даже хорошо, но не когда полицейский отрабатывает взятку.

– Так не подсылы!

– А знать этого заранее нельзя.

Как ни странно, мы застали живого в здравии. И даже членов у него, на первый взгляд, не поубавилось. Хотя судя по боязливым взорам, бросаемым на Керима пленным украдкой, все же допрос оказался достаточно жестким.

– Зато теперь знаем.

– Наверное, не про всех, но четырнадцать человек убитых – тоже не самое приятное. Ишь, додумались свидетелей не оставлять – и никто, мол, не узнает! Пропали – и все.

Мы со своими бандитами оказались как бы вне поля деятельности здешних органов. Тем, что за городской чертой,

должна заниматься армия. Мои попытки доказать, что разрешение на строительство выдано как раз полицмейстером и значит случай входит в их компетенцию, натолкнулся на сплошную глухоту. Оно им надо – создавать себе проблемы?

Пришлось сбегать до ближайшего офицера. Слава богу, я измайловцев знаю достаточно многих, и они меня тоже. Литературная слава в очередной раз оказалась полезной. В результате вопрос оказался решенным, и без промедления. Чисто по знакомству. Обычное дело.

Ко всему еще, помимо Москвы с Петербургом, даже такой полиции не существует. О том меня поставили в известность с превеликой гордостью. Дикое время. Куда ни ткнишь, вечно отсутствуют даже простейшие нужные нормальным людям государственные структуры. А есть – так не действуют.

Честное слово, если когда-нибудь я сумею пролезть наверх, одним из первых мероприятий станет организация нормальной службы по охране порядка с четким расписанием прав и обязанностей, а также значительным поднятием жалованья у чинов полиции. Другого способа привлечь людей просто не вижу.

– Скольких ты убил? – спросил телохранителя, достаточно приняв на грудь, чтобы не смущаться.

– Да не знаю я, – легко отказался Керим. – Много. Вот первого своего до сих не забыл. А дальше проще. Где сотня, там дополнительный десяток незаметен. Когда татар бил аль ногойцев – так вовсе не разбирался. Всех подряд, – он

скрипнул зубами. – Ненавижу.

– А пошто так не любишь?

Он долго молчал, я уж решил – не дождусь объяснений. Затем, будто продолжая монолог, заговорил внезапно.

– Я – никто, – сказал, глядя мне в глаза. – Без имени, народа и веры. Все отняли. И не прощу.

Опять длинная пауза.

– Мне лет пять было, когда налетели и всех побили. Я даже не знаю, где мы жили.

Я налил в кружки, и мы не чокаясь выпили. Обычай этот оказался старинным. Поминают умерших таким образом.

– Отец точно немец был, и с ним я говорил на его языке. Подзабыл, да пришлось кой с кем общаться – всплыло. А мать, – он растерянно развел руками, задев тарелку. Она с грохотом свалилась на пол, но он даже не обернулся. – Вроде на русском говорила, но не уверен. Плохо помню. Еще двое старших братьев было.

Кажется, моя очищенная водка крепко дала по мозгам Кериму. Впервые он делился личным. Выпить вполне способен, но помимо вина и пива никогда не наблюдал за ним любви к крепким напиткам. Хотя в чем на самом деле могу быть уверен...

– Русский я знал, но не очень хорошо. То ли соседи были, то ли в поселке на нем говорили. Но где был поселок? Хотя на самом деле все равно. Татары всех порубили, только молодых парней и девок в полон забрали, а деревню сожгли.

Родичей я больше не видел, и остается лишь надеяться, что спрятались вовремя. Не верю, но надеюсь. Больше всего боится, что увижу их или братьев – не узнаю. Столько лет прошло!

Мы добавили еще. А потом еще. Он молчал и смотрел в стол. Подталкивать я не пытался.

– Кочевникам рабы не нужны, – заговорил вновь Керим. – За скотом ухаживать надо, перегонять на пастбища. Их богатство и жизнь не в золоте, а в величине стада. И чужому доверить столь ответственное дело нельзя. Конь под рукой, дороги рано или поздно выяснит, сбежит. Потому есть в основном домашнее рабство, но там особо много слуг и без надобности. Или женщин берут на роль младших жен. Да тоже не часто. Без привычки в степях долго не протянешь. Мне, наверное, повезло. Не в Турцию поехал для отдачи в янычары или, того хуже, в евнухи. Подвернулся один покупатель поближе, натухэй...

– Кто? – переспросил я невольно.

– Есть такое племя на Тамани. Адыги. На левой стороне Кубани живут.

Надо озадачиться поиском карт, подумал, понимающе кивнул. Кубанских казаков помню, а адыгейцы – это ведь не иначе должны на Северном Кавказе жить.

– У него дети померли, вот и решил меня вроде как усыновить. Я жил в семье как свой. Имя дали, рядом с собой усадили. Работал, скот пас. Оружие имел. Уже большой был...

Не скажу сколько. Годов мы не считали, но на девушек уже начал заглядываться. Однажды вернулся домой, а там пепелище. Уже второй раз. Ногайцы наскочили. Они эти земли считали своими вассальными, а местные при случае платить отказывались. Вечно там все друг с другом воевали. Куча народов, даже русские некрасовцы жили.

– Это кто?

– Да есть такие казаки, после восстания Булавина на юг ушли и туркам присягу дали. На их стороне воюют. А султан им земли выделил.

В очередной раз я убедился в альтернативности здешнего мира. Казаки всегда боролись с басурманами за землю русскую. В любом фильме или книге. Я, собственно, не очень их читал или смотрел, но вон в «Тарасе Бульбе» целые речи перед смертью закатывали про правильную веру и любовь к Родине. Жутко раздражало. Не может человек на копьях речуги толкать, ему должно быть зверски больно. Но ведь вставляет! А тут казаки за турок сражаются. Не бывает.

– Пошел к хану, – продолжал Керим, – а он мне и говорит: «Догонять поздно и бессмысленно. Они сильнее, воевать всерьез сейчас нельзя. Иди ко мне нукером». Может, и стоило, – сказал задумчиво, – но тогда кровь разыграла. Не отомстить за родичей подло. И пошел я искать ногайцев. Нашел парочку, прикончил, коней отнял. А дальше меня ловить начали. Ну да я смог уйти, только возвратиться не сумел. Аж до Дона доскакал. К тамошним казакам пристал. С

кубанской ордой регулярно секлись и татар тоже при случае донимали. А мне того и надо. В Поволжье погулял. Там места хорошие. Как Царицынскую линию провели, стали мужики садиться на землю. А до того одно Дикое поле. Кто кого первым заметит и зарубит.

– А к Ибрагиму как попал?

– Да сманили робяты меня Сибирь посмотреть. До Иртыша дошли, мехов у бухарских купцов награбили, – это он сказал как о деле обычном, ничуть не отрицательном. Пустяки, дело житейское. Что те караванщики явно не рвались добром делиться с неизвестно откуда взявшимися вооруженными людьми, и скорее всего их прикончили, его не трогало. – На обратной дороге и влетели на башкир. Они вроде в российском подданстве, да те еще разбойники. Не повезло. Всех, почитай, побили, одного меня почему-то бросили еле живого. Наверное, за мертвого приняли. А тут купцы ехали. Подобрали, вылечили.

Возможно, обратился правильно да про Аллаха помянул, а то бы добили, перевел я без промедления. Понятно, не рассказывает некоторых подробностей.

– Я не раб был, – заявил сердито. – Стал бы подчиняться! Убег бы сразу, как на ноги встал, тем более в Москве. Нет. Они ко мне отнеслись по-человечески, а должок отдавать положено. Не завались ты к Ибрагиму – месяца через три все одно бы расстались.

В очередной раз тебя накололи, Миша, подумал я весе-

ло, чокаясь. В голове слегка шумело. Пора заканчивать посиделки и спать. Широкий жест Ибрагим сделал. Фактически в дурака превратил. Все равно бы Керим у него не задержался. Так якобы отдал – потом благодарности захочет. Еще бумагу оформляли, смех один.

– Уйдешь? – спросил вслух.

– Зачем? Я же говорил: дома нет, родичей тоже, добра не нажил. Пока не обижаешь, – это с ухмылкой, – погоду. А то надоело мотаться.

– И долго ты за зипунами бегал?

– Лет пятнадцать, – подумав, ответил Керим. – Чуток больше. А что?

Значит, действительно где-то за тридцать – тридцать пять или около того. Хотя ведь сам не в курсе, сколько лет. Полжизни с саблей в руке. Кровищи на нем... Куда там сегодняшним недоумкам. Но ведь не против, а за меня. Выходит, все к лучшему.

– Пытаюсь возраст твой посчитать.

– Каждый живет как бог даст. Кому в младенчестве предписано умереть. Другой живет до старости. Уж и сам не рад, а все скрипит.

– Минуточку, а ты, собственно, в какого веришь?

– Ну, – закатывая глаза, произнес Керим, – чему в детстве учили, не помню. Токмо если из немцев – наверное, в лютеранство крещен. На Тамани вроде как мусульманином считался. Мечетей у нас не имелось, а Коран по-арабски на-

писан. Я многие наречия знаю, но не язык Мухаммеда. Мы больше по обычаям старинным, по адатам жили. Без книжных премудростей.

Очень хотелось спросить – обрезан ли, но то проще посмотреть в бане.

– А потом в основном с раскольниками гулял. На Дону и в Поволжье через одного. Ваши попы не одобряют. А мне все равно. Бог – он один. Молись на любом языке и хоть в чистом поле. Главное – чтобы от души шло. Я вот за своих всегда прошу. И за тех, родивших, и за воспитавших, и за учивших драться, погибавших рядом. И за тебя. За язык не тянули, сам захотел свободу дать. Ты человек правильный, пусть и крученный.

Ну спасибо.

– Не может он не слышать, – закончил с глубокой убежденностью.

– Керим, – сказал я после короткого раздумья. – Я так понимаю, ты не станешь сопротивляться, если предложат креститься?

– Зачем? Я же говорю...

Я отмахнулся нетерпеливо, прерывая возражение:

– Ты мне сегодня спас жизнь. Помолчи! – рявкнул. – Пусть для тебя пустяк. Для меня – нет. На обряде я стану крестным отцом. Духовное родство пуще плотского. Мы станем родичами. Настоящими. По всем законам и обычаям. Кровь не суть важна. Вот, – споткнулся я, окончательно ис-

сякнув.

– Это вроде побратимства? – спросил Керим, подавшись вперед.

– Ну вроде, – я нерешительно согласился. Откуда знать, что именно он вкладывает в понятие. Руки резать и кровь смешивать? Это такая мелочь! – Когда нет родителей, крестный исполняет их роль.

Звучит несколько странно, при нашей разнице в возрасте. Тем более при его боевом опыте и знании жизни. Семья – это ведь не дом, не место, где мы живем. Семья – близкие люди. Они заботятся о тебе, ты о них. Не по обязанности, по велению души.

– А в крестную кого? – деловито потребовал Керим.

Похоже, он уже согласился. Оптимально было бы подключить Лизу, но она пока не православная, и нельзя. И, кстати, очень хорошо надо кандидатуру обдумать. В перспективе крестные не имеют права на женитьбу между собой. Даже с их детьми какая-то лажа. Может оказаться полезно или напротив. Подходить к выбору важно ответственно.

– Предлагай! – сказал с интересом.

Глава 4. Уроки истории

– Давным-давно...

– Я просила настоящую историю, а ты опять сказку выдумываешь!

Ну вот, слегка полегчало – и опять начинаются требования. Хорошо еще тем бульоном в буйну голову не запускает. Правильно воспитанный в данном отношении ребенок. Хотя если задуматься, не такая уж и маленькая. Подросток. Четкой даты совершеннолетия не существуют. Вышла замуж – значит, взрослая.

Ну нам эти страсти пока не грозят. Не столько из-за отсутствия женихов, сколько из-за разборчивости Анны Иоанновны. Мне представляется, не хочет выпускать Лизу из-под своего влияния. Муж неизвестно как себя поведет. Вдруг руки сильно загребушие и на трон позарится? К счастью, пока время терпит, и не моя печаль.

– Почему сказка? Самая что ни на есть чистая быль. Просто я, как вам, ваше высочество, известно, частенько в датах путаюсь и посему старался не соврать. А побеседовав с умными людьми, пришел к выводу, что никто толком и не знает правильных дней. Одни летописцы называют один год рождения и окончания правления, другие иной. На самом деле и не столь важно. Было это во времена Ярослава Мудрого, то есть очень давно.

– А Тарас Петрович...

– Вот с ним я спорить не стану, потому и давным-давно.

– Ну ладно, – милостиво разрешает Лиза, – продолжай.

Действительно, чего это меня понесло не в ту сторону.

Еще не хватает начать разоблачать святость Ярослава и кто убил не менее святых Бориса и Глеба. Про норманнские саги я в курсе – через Олафа, любившего порассуждать о викингах и старых временах. Тем более что ему приятно было разоблачить князя, продемонстрировав славянину (мне то есть) коварство его народа.

Оказывается, у варягов совсем другое написано, чем в русских книгах. Не Святополк Окаянный братьев кончил, а очень даже по приказу Яруслейва. Только где те саги, их еще не записали, и слова мои недоказуемы, зато пахнут клеветой и желанием опорочить православную церковь. История во все времена нехорошо отдает политикой, и лучше ее без веской причины не касаться.

– Семь столетий назад времена были несколько другими. Могучая Русь свысока поглядывала на Европу, где нравы оставались грубыми и примитивными, а государства мелкими и слабыми. Иные бароны и герцоги презирали своих сюзеренов за бедность с отсутствием силы и не собирались исполнять их приказаний. А уж грызлись между собой постоянно! И на этом фоне блистала своими городами, храмами и богатствами единая Русь! Внутренний порядок, спокойствие, отсутствие войн, токмо на окраинах державы.

Для этого, правда, пришлось предварительно родных братьев помножить на ноль, но вряд ли стоит сейчас тему затрагивать. Каждому овощу свое место.

– И не искали князя немецких принцев, чтобы породниться. Напротив, дочери Ярослава крайне ценились в соседних державах.

Куда-то опять не туда меня понесло. Ладно, пока слушает.

– Далеко смотрел великий князь и стремился связать соседей династическими союзами. Одна дочь становится супругой короля Венгрии, другая – норвежского, и вроде после его смерти еще и за датского короля замуж вышла. Сестра его стала польской королевой, а сын Ярослава одновременно взял за себя сестру польского короля. Еще один на австрийской принцессе женился. Вроде бы даже с дочерью базилевса умудрился сына обвенчать. Это я уж не поручусь. Разное говорят. Может, и просто из высокого рода. Другое важнее. Помимо перечисленных, была у великого князя еще одна дочь – Анна. Умница, красавица, статная, с голубыми глазами да с пылким нравом отца.

– Тарас Петрович утверждал, Ирина, мать ее, сама отличалась сильным темпераментом.

– Не буду спорить, – покладисто согласился я, – он в древней истории много больше моего знает. У Татищева и Черкасского домашние летописи читал.

– Ты давай продолжай. Нечего скромничать.

– Я помимо дремучей невежественности на собственном

примере еще и состояние нашей российской истории оцениваю. Есть куча летописей, кои хранятся в домах, монастырях или гниют без смысла в архивах. Во многом они повторяются, иногда дают новые факты или вообще противоречат друг другу. Чем занимается Академия и зачем там в ней факультет истории, если до сих пор отсутствует полная история государства российского, я уж не представляю. Кому там платят и за что?

– Я-то что могу? – очень справедливо удивилась Лиза.

На самом деле очень много. Хотя явно не завтра. Сейчас от нее отмахнутся, но если вопрос поднимется несколько раз, рано или поздно возникнут подвижки. Натурально, в той Академии бардак. Гимназия практически не работает. Без моих просьб к Бирону и русских студентов не набрали бы. У них и Устава до сих пор нормального нет. Я как выяснил, всерьез поразился. Никому не хочется лишнего труда, но надо же совесть иметь!

– Вот пятерых из набора Спасской школы, – говорю вслух, – собираются отправить учиться горному делу, троих химии, двоих – математике и механике.

Фактически они получают обо всех этих вещах представление. До специализации еще не доросли. И слова такого пока никто не слышал. Любой инженер при необходимости тебе особняк или порт построит, архитектор крепость, да оба еще и в плотинах разбираются. Один я все больше по верхушкам нахватался и в калашный ряд даже пролезть не пробую.

– Только опять же Сенат денег не выделяет. Обещали на каждого сто пятьдесят рублей, а всего выдали триста. Болтаются парни без дела, недолго и в нерадение впасть. Уж очень много соблазнов в столице.

– Будем считать, я согласилась ходатайствовать за будущих ученых, – нетерпеливо ответила Лиза. – Как разрешит врач покинуть изоляцию, так и схожу к тетушке. Не знаю, поможет ли мое обращение, скорее нет, но я поняла столь явный намек.

– Право же, я не собирался ваше высочество куда-либо подталкивать, – смешавшись, начал я мямлить.

– На душе горит? – очень по-взрослому спросила Лиза. – А я с разными детскими глупостями пристаю.

Тут и не знаешь, как ответить. Если уж она меня насквозь видит, за серьезные интриги лучше не браться. Наверняка ведь с раннего детства вокруг выются всевозможные типы, норовящие через нее себе кусок оторвать. Давно должна была привыкнуть и различать дальние подходцы. В каком-то смысле и я ничуть не лучше. Пытаюсь внушить удобные идеи. А для кого? «Держава» – красиво звучит. Скорее лично себе на пользу. Не очень красиво, тем не менее, мысленно могу и признать: немалая доля истины в том присутствует.

– Имею право, – так же серьезно продолжила она. – Делу время, потехе час. Могу я поболеть себе в удовольствие?

– Это разве при чесотке бывает, – автоматически произнес, – чем больше себя дерешь, тем приятнее.

– Да?

– Лучше не проверять, – поспешно предупредил.

– Да не особо и хотелось. Доктор Санхец приговорил еще три дня, – произнесла после паузы. – Затем меня выпустят из заключения.

– Для вашего блага.

– Я знаю, – нетерпеливо сказала, отмахнувшись ладошкой. – Еще и чтобы заразительности избежать для других людей. Все так. Вот тогда подробно все расскажешь. А заодно еще и про письма поступающие. Обычных, с добрыми пожеланиями, можешь не излагать. Запишешь имена, и все. Как у короля Матиуша делали.

– Слушаюсь, ваше высочество.

Я так и собирался, но приятно, что запомнила: не зря старался. И есть отдельный разговор. Скорее, предложение. В ближайшие пару недель в Измайловском полку свадьба, крестины и посещение больных солдат. Естественно, не инфекционных. Очень важно заводить связи с офицерами, но и солдат не забывать. Кому на чарку, кому еще на какую нужду подкинуть. А уж крестить ребенка или присутствовать на свадьбе – в обязательном порядке. Крестная мать здесь и сейчас считается практически родственником, и положение налагает достаточно серьезные обязательства на обе стороны.

Остальные полки тоже нельзя забывать, но начинать надо прямо сейчас. Люди должны знать и любить будущую хозяй-

ку. Или как минимум ждать от нее наград и милостей. Чтобы еще один Меншиков не вывел на площадь перед дворцом войска перед коронацией, а на штыки его взяли.

– Перестань, – попросила Лиза, слегка морщась. – Не надо так формально, когда мы не на людях.

– Такая уж у вас доля, – демонстративно поворачиваясь и глядя на горничных, расположившихся в углу, и гувернантку, ответил я. – Мне забываться неуместно. Положение обязывает.

– Ага! А как воспитывать и определять, чем заниматься, – так можно. Ладно, ладно! Не станем ругаться. Лучше продолжи об Анне. Ведь не зря завел разговор?

В голосе определенно присутствовало ехидство. Действительно я прозрачен до невозможности. И ведь папаша точно не стеколыщик был.

– Понимаете, ваше высочество, история Анны Ярославны действительно непростая. Например, я понимаю, зачем связывать брачными узами Русь с венграми, поляками, норвежцами. Тишина на границах не обязательна, территориальные споры никуда не исчезают, но некие дополнительные дипломатические возможности в результате появляются. Это нормально. А зачем отдавать княжну во Францию – не доходит. И ведь держал ее лет до двадцати пяти дома, будто не мог найти жениха. А потом раз – отправил за тридевять земель. Ни военной, ни еще какой помощи не дожидаться: очень уж далеко. И сегодня поездка сложна и не всегда приятна. А то-

гда... Всякий барон сам себе начальник и норовит ограбить или хотя бы взять пошлину за проезд.

– А сами французы что говорили?

– Тут, извините, если по этикету грубо прозвучит, тонкий момент присутствует. Королю нужна была... э... заморская жена. В те столетия, как, впрочем, и нынче, брать за себя ниже статусом нельзя было. Вот и брачевались постоянно родственники в своем собственном кругу. И достаточно часто начали появляться на свет сумасшедшие или уроды.

– Да, я знаю о таких вещах. Потому и церковь запрещает близкородственные связи.

– Правильно! С тех пор и пошло. В Европе запретили браки между родичами до седьмого колена. Хуже того, воспретили не просто кровных, но и родственников умершего супруга, что ни в какие ворота не лезет. В итоге пришлось искать новую королеву аж в далеком Киеве. Благо, по слухам среди французов, женщины нашего народа покладисты и добродетельны.

Лиза улыбнулась. Чем-то мои слова ее насмешили. Право же, не того эффекта ожидал.

– А это не так? – спросила уверенно.

– Люди все разные. Женщины тоже.

– А Анна?

– Лет десять она прожила тихо и спокойно в тени своего мужа. Родила трех сыновей. Старшего, наследника трона, назвала Филиппом в честь отца Александра Македонско-

го. Дело в том, что до Романовых киевские князья выводили свой род от знаменитого греческого полководца и завоевателя.

– Ты мне это рассказываешь? Я о том еще в детстве слышала.

– А для меня большой новостью оказалось, – честно сознался я. – Не так давно выяснил и не был уверен в общеизвестности. Все же сейчас династия другая.

А потомкам Михаила Романова вряд ли приятно вспомнить о Смуте и связанных с ней подробностях. Его, конечно, выбрали на царство, да история достаточно мутная. Они точно не от греков происходят. Да и Филарета в патриархи как бы не самозванец определил.

Почему Пожарский место так легко уступил и исчез, я так и не разобрался. Впрямую такого не спросишь, сидя под управлением Романовых, а подробного изложения событий тех времен пока не обнаружил. Так, кое-чего от Постникова добился. Он все же в этом всерьез дока, хотя на достаточно любительском уровне. Что такое критическое отношение к источникам – до сих пор неизвестно. Или верят, или не верят. А чтобы сравнивать и выяснять мотивы – не способны додуматься.

– Прямое родство помимо императрицы у Романовых пресеклось, – уверенно заявила она, не очень тактично забыв про Елизавету Петровну.

К своей второй тетке она относилась без особых подозре-

ний или ненависти. Нормально общались. Не часто – все же возраст разнится, – однако, сталкиваясь во дворце, приятно беседовали и могли сделать подарок. А все же прорывалось. Не может не действовать окружение Анны Иоанновны с ее отношением к незаконнорожденной дочери Петра. Какая-никакая, а конкурентка.

– Так по второй линии имеется.

– У меня отец немец.

– Какая разница? Кто по крови Рюрик или Святослав, нам уже не выяснить. У Ярослава жена шведка была, но проводили они политику, полезную государству русскому, объединяя племена славянские под единым скипетром. А глянуть на Европу... Вильгельм нормандский, завоевавший Англию, по крови из Скандинавии, а англосаксам никакой не родственник. А жена вообще из Фландрии.

М-да. Кажется, не очень удачный пример. У него и с происхождением не очень. Бастард. Лучше не копать, пока не выскочили параллели с современностью.

– Тот же король Георг, – поспешно перестроился я к более близким временам, – происходит из Ганноверской династии, а его дочь – мать прусского короля Фридриха. Не в том дело, из какого народа ты производишь, важнее – что сделаешь для державы. Станут тебя вспоминать потомки с любовью или ненавистью. Нужно быть русским в душе, а не по имени. Вот Анна до самого конца такой оставалась. Не зря римский папа написал ей личное письмо, превознося добродетели и

ум королевы.

А вот это я слышал в свое время от гида в Реймсе. Там в небольшом соборе короновали монархов, и долгое время считалось, что на ее личном Евангелии. Типа по-славянски писано. Оказалось – легенда. Так во всяком случае утверждал наш чичероне. А вот письмо якобы подлинное, но с двойным смыслом. Вела бы ты себя, душенька, несколько поскромнее, а то излишне свободно действуешь.

Без понятия – так или нет. Почем продали. Вряд ли экскурсовод нес отсебятину. Тем более что мы приехали не из России и разговаривали на английском. Хотя кто их знает, этих специалистов. Глаз наметанный, мог приятное сказать.

– Римский папа? – она удивилась. – Приняла католицизм?

– Раскол случился, когда она уже замужем была. И не думаю, что на первых порах кого-то сильно задевали церковные соборы с их решениями. Иерархи церкви выясняли старшинство, а простые люди особой разницы не заметили. Понадобились столетия, чтобы провести резкую границу. Э... только, пожалуйста, не выдавайте меня Феофану, ваше высочество. Боюсь, малой епитимьей за такие высказывания не отделаюсь.

Она серьезно кивнула.

– Вообще когда муж умер, графы Парижские владели территориально малым доменом. Все остальное считалось формально вассальным, однако власть королей там не действовала. И некоторые графы вели себя достаточно вольно. Им

нечего было бояться. Нет такой силы ни военной, ни церковной, которой бы они страшились. Один из них, Рауль Валуа, взял и украл Анну. Причем непохоже, чтобы она по этому поводу печалилась.

Ну глаза горят. Это уже начинает походить на рыцарский роман.

– Видимо, там присутствовала немалая страсть. Свою супругу он принялся запихивать в монастырь, хотя у них было несколько детей. Затем они официально женятся, невзирая на родство с умершим королем и церковный запрет. Помните, до седьмого колена? Тем не менее, на возмущение возлюбленные не обращают ни малейшего внимания, пропуская мимо ушей и укоры папы. У нее был сильный характер и воля, иначе не объяснить такого поведения. Спокойно разъезжают по стране с визитами и даже с течением времени навестили королевский двор, где благосклонно приняты подросшим сыном Анны. Мало того – она подыскивает Филиппу жену, а значит, имеет немалый авторитет при дворе. Так они и жили с графом, быть может, в грехе, но счастливо много лет.

– И умерли в один день?

– К сожалению, это случается не слишком часто. Но вот с датами я несколько затрудняюсь. Скорее всего, нужно искать в соборе Сан-Дени, где хоронят французских королей. На надгробии должен быть выбит год.

Я поколебался и все-таки решил закончить реальным.

– Самое занятное, что и Филипп позднее повторил маминно достижение. При живой жене похитил какую-то графиню. Свою супругу сплавил в монастырь, а с той прожил много лет, не обращая внимания на отлучение от церкви. Темперамент у них явно передавался по наследству. Еще и с дочерью Филиппа была какая-то любовная история, но я уже успел забыть подробности. Надо бы расспросить французов, хотя давно то было и не думаю, что многие помнят.

– Но все же рассказ дошел до тебя!

– Это скорее песня была, – сказал я, в очередной раз жалея, что не удержался. Про Филиппа с его отлучением не могут не знать, история громкая. А Анна Ярославна, регент Франции – дело сомнительное. Где заканчивается легенда и начинается настоящая история, мне неизвестно. Тем более в нынешнее восемнадцатое столетие. – В порту норвежском слышал. Могли и приврать для красоты. Поэты – они такие.

Взгляд девочки был достаточно красноречивым. Она-то меня числит в стихотворцах. А я так некрасиво себя повел.

– Потом имена проверил. Все совпало.

– Значит, выяснишь доподлинно! – приказала Лиза. – Напишешь от моего имени в Париж к тамошним академикам и знатокам истории. Нет. Прямо к королю! И потребуешь ответа – как оно было, в подробностях. А то «путаюсь в датах», – передразнила. – Величие предков важно сохранить для потомства!

Глава 5. Фрейлина черкасская

– А чего в гости не зовешь, Михаил Васильевич?

– Так дома еще нет, – слегка удивился я.

Варвара Алексеевна Черкасская заявила без предупреждения. Якобы с целью проведать Лизу. В это я не поверю ни при каких обстоятельствах. Мало того, ей сидеть у ложа больной и участливо задавать вопросы о здоровье откровенно скучно, да и доктора каждый день навещают. Сан-хец представляет доклад Анне Иоанновне без промедления. А бывает, царица и сама вечером забредет проведать. Посидит, посплетничает и довольная отправляется почивать в свои комнаты.

– Нешто года два ждать, пока отстроишься? Есть же во дворце свое помещение, – и улыбочка на губах.

Совершенно не понимаю, к чему клонит.

– Я бы и рад, однако разве не положено доложить ея величеству о здоровье родственницы?

– Обязательно, но разве есть срочные новости? Болезнь протекает обычным порядком. Ничего страшного. Чуть раньше али позже ничего не изменят. Она все одно занята в ближайшее время. Остерман вновь прибыл морочить голову.

– Не любите Андрея Ивановича?

– Он, может, и очень умный, да крайне противный. Еще и воняет от него, будто сроду одежды не менял и бани не

посещал.

Чистая правда. Даже на фоне остальных выделяется заметно. Бани, видимо, не выносит. Зато Анна Иоанновна весьма его уважает. Когда требовался совет по внешней политике, без Остермана не обходились. Нужно было лишь набраться терпения и вытянуть из него наилучший вариант решения дела. Однако он не любит прямых советов. Все с многочисленными оговорками, отступлениями и туманными намеками.

Остерман удобен. Он целиком зависит от царских милостей. Иностранец, хотя и взял жену из старинного рода Стрешневых, но в силу своего нрава и положения оставался чужаком в среде русской знати, «немцем». Да и говорит он по-русски неважно. Как можно столько лет прожить в стране и объясняться с трудом, я не понимаю. Неуважение какое-то. Причем нескрываемое.

– Оставим эти глупости, – наморщив носик, сказала Варвара. – Скучно. Давно вы не радовали двор новыми интересными идеями.

– Занят постоянно, вы же понимаете.

– О да, – согласилась. – Весь в трудах и заботах. Присматриваете за подопечной. А про нас, грешных, забыли напрочь.

– Вы и сами догадались командные соревнования по «городкам» устроить. Сюда, пожалуйста, – провозгласил я, показывая на дверь в кабинет.

Собственно комнат у меня теперь две. В одной работаю,

во второй отдыхаю. Обстановка соответствующая. Рабочий стол с письменными принадлежностями и кровать в спальне. Ничего лишнего и громоздкого помимо носильных вещей и книг с бумагами.

– А! – сказала она при виде Керима. – Это тот самый охранник, пятерых убивший.

Взгляд откровенно заинтересованный. Оценивающий.

– Только двоих, – поправил. – А третьего поймал и повязал. Мы его сдали сторожам.

– Ну вот, – обиженным тоном воскликнула, – такое разочарование.

Да она прикалывается!

– Говорят, вы опять нечто небывалое придумали, – без особого интереса осмотревшись в кабинете, сказала Варвара.

– Это о чем?

– Чем может заинтересоваться настоящая женщина? – удивилась она вполне искренне. – Конечно, украшениями.

Ну слава богу! Я уже начал подозревать ее фиг знает в чем. Может, в работе на иностранную разведку. А теперь хоть ясность появилась, чего она заглянула, да еще чуть ли не на шею вешается.

Дворец этот хуже проходного двора. Я ведь пока никому кроме Лизы и не показывал. Хотя, как всегда, присутствовали и слуги. У кого-то язык на манер помела. Найду, рот зашью. Или оно к лучшему? Кому, как не фрейлинам, оценить

работы настоящего ювелира. Стоит одной нацепить, как все остальные захотят непременно такое же, но гораздо лучше и дороже. А ведь нам того и надо.

– Вот, – сказал, извлекая из ящика стола небольшую шкатулку, инкрустированную малахитом и серебром. Очень недурно смотрится сочетание зеленого с белым.

Она, не спрашивая разрешения, откинула крышку и вскрикнула в восхищении. Лехтонен настоящий мастер, я уже убедился. И все же он до меня работал в обычной манере ювелиров. Ничего особенного. Я человек несколько более продвинутый. Насмотрелся в свое время на изделия и каталоги муттер. Она ювелирку обожала, и желательно подороже.

Со вкусом у него было не очень. В основном занимала величина камня. У меня воспитание другое – все же в художественной школе учился, некоторые принципы привили. Зато навидался всяких разных побрякушек. И не бижутерии пластмассовой. А с рисованием проблема отсутствует: буквально не повторяю, да и не требуется, главное – оригинально.

Здесьние деятели до яиц Фаберже еще не додумались. Ну я тоже до поры до времени не претендую на откровение. Это удовольствие крайне дорогое, а мне есть на что тратиться помимо бриллиантов без гарантии приобретения. И все же кое-что мы совместно сумели сделать. Я рисовал, он критиковал и исправлял. Пчелка, стрекоза и букет цветов из драгоценных и полудрагоценных камней и металлов – брошки.

Серьги в виде бабочки и богини победы. Такая с крылышками, из золота. И кольцо с дракончиком. Глазки изумрудные и мордочка хитрая. Удачно вышло, самому нравится.

Вот его моя гостья моментально нацепила, причем подошло к пальчику, будто по заказу сделано. Подняла руку, внимательно осматривая и смутно улыбаясь.

Тутошней моды для богатых я не переносу. Неудобные немецкие камзолы и чулки в обтяжку с париками еще ладно. Женская много хуже. Тугие корсеты, высокие каблуки, стянутые высокой прической волосы, к тому же завитые самым изуверским способом – нагретыми на огне щипцами. Какие волосы выдержат и останутся блестящими после этакой «завивки»? У большинства дам следы от оспы на лице, замазанные невесть какой дрянью. То ли от них, то ли еще от чего у многих прыщи и пятна на коже. Короче, не возбуждают.

Варвара Алексеевна Черкасская, напротив, выглядела очень миленько. Еще бы красилась поменьше и прическу более привычную – и почти не отличалась бы от знакомых студенток. Впрочем, и так неплохо. Волосы подняты наверх, открывая шею, и заколоты без особых изысков.

На других смотреть страшно. Делают сооружение к торжественным случаям долго и при помощи специально куафюра, сиречь парикмахера. Лак пока не изобрели – если расчешешь, завтра начинай снова. Потому, по слухам, иные и спят сидя. А уж живность в волосах присутствует почти всегда. Я стараюсь к таким не приближаться. И слава богу, что

вольные нравы «Трех мушкетеров», когда не иметь замужней любовницы считалось подозрительным, до России еще не доползли. То есть ничего ужасного в том нет, но не публично. Гласность и открытость не поощряется.

– Мне нравится, – изучающее глядя на руку, заявила утвердительно.

– Вам идет, Варвара Алексеевна, – согласился я, мысленно подсчитывая доход. Папа у нее очень небедный, можно неплохо подзаработать.

– Нет, решительно здорово. Кто придумал? Вы?

– Я, – не вижу, с какой стати отказываться.

– Занятный вы человек, Михаил Васильевич. Идеи у вас в голове так и бурлят, а нерешительный.

Это в каком смысле? Она улыбнулась многообещающе, глаза поблескивают, в них смешинки и некая тайна. Она есть в каждой женщине, только искать порой приходится долго. А Варвара отнюдь не замучена жизнью и рутиной, все на поверхности. Тонкие пальцы скользнули по лицу, подразнивая. Тут уж я не выдержал. Прижал к себе, поцеловал в охотно ответившие губы и энергично полез под юбку. Судя по отсутствию визга и попыток отбиваться, меня к этому и подталкивали.

Очень неудобное дело эти старинные платья. Куча шнуровок, застежек, завязок, фижмы. Вот кто-то нормальный понимает, зачем нужны обручи, вставленные в платье? А это они самые и есть – фижмы. На ощупь твердые и ужас-

но мешают. Варвара, видимо, поняла мои затруднения и в какой-то момент принялась помогать. Честное слово, совершить насилие над дамой в модной одежде, не из бедных, не хватит ни сил, ни терпения. Одной материи метров десять намотано. Тут просто задрать юбку не выйдет, она колоколом стоит.

В конце концов, при моей посильной помощи, она все же очутилась сидящей на письменном столе в полуголом виде. По крайней мере нижняя часть точно оказалась неприкрытой, чем я без промедления и воспользовался. Варвара точно оказалась не невинной девушкой. А уж вцепилась в меня не хуже клеща, обхватив руками и ногами.

Не сказать, чтобы вышло очень уж замечательно. У меня давно не было женщины, и обстановка не очень удачная. Пришлось в утешение долго целовать и ласкать, окончательно раздевая. Второй раз последовал уже на кровати, и дело явно пошло на лад. Под конец пришлось даже зажать ей рот ладонью, чтобы не заорала. У слуг уши большие, и даже Керим их не напугает всех сразу. Разговоры лишние нам обоим ни к чему.

– Это было хорошо, – признала Варвара, поглаживая меня по груди тонкими пальчиками. – Оказывается, ты горячий и страстный, а все притворяешься смиренным иноком.

Ну, это был не столько я, сколько в очередной раз провалился Михайло. Все же надо не только умствованием заниматься, а еще и физическим трудом, раз уж нельзя энергию

сбросить в постели. Гири, что ли, заказать? Смешно. Проще нагнуть какую служанку. Впрочем, на кой мне теперь полковые девки. Вон одна сама нарисовалась.

– Русского человека очень трудно завести, однако потом его не остановить, – говорю с усмешкой.

– Мне нравится сие предложение.

– Значит, можно повторить, – сказал я, недвусмысленно лаская бедро.

– Это будет сложно, – возразила она после паузы. – Анна Иоанновна очень плохо относится к развлечениям.

Мысленно ухмыльнулся, стараясь сохранить невозмутимое выражение физиономии. Нашла тоже слово. Тут скорее игра с огнем. Вопреки всем запретам и нравоучениям, она не прочь получить наслаждение, позабыв об узах брака, но стараясь не показывать этого слишком явно.

– Никогда не обсуждаю свою, – сообщил подчеркнуто, – женщину с посторонними. Никто не узнает.

Истинная правда. Не имею такой привычки. Хвастаться особо нечем, все же не Дон Жуан. Да и опасно бывает. А про иных и так все в курсе. Я лично про любовников Елизаветы Петровны выяснил в момент: Бутурлин, Нарышкин, Шубин. Это кто надолго задержался. Буду ли я в том списке поминаться через десяток лет – неизвестно. Уж очень скоротечно наше общение вышло.

– Ты *galant homme*, – потершись щекой о мое плечо, согласилась она.

Слово «джентльмен» в России совершенно не в ходу. Не уверен, что кто-то поймет, употреби я его в привычном отношении. Зато «galant homme» должно означать: учтивый человек, умеющий хорошо вести себя с дамами. Где-то там на заднем фоне присутствует дополнительно образованность и умение правильно держаться в обществе, однако отнюдь не основное. Галантный мужчина должен в первую очередь заботиться о женщине. Точнее, об ее репутации.

– Всегда к вашим услугам, – говорю, глядя по растрепанной голове. – Во всех смыслах.

– Я сосватана за Антиоха Кантемира, – с тяжким вздохом поставила в известность, – и по мнению императрицы, не могу искать другого.

Вот и прекрасно, обрадовался я. Ведь не замуж предлагаю, а изредка встречаться к обоюдному удовольствию. Мне рога без особой надобности. Уж лучше сам их наставлять стану. Тем более принадлежащая другому красивая женщина – всегда вызов, и привлекательней намного.

Кстати, постоянно болтающаяся рядом с ней Мария Кантемир случайно не охраняет Варвару для младшего братца? Тогда не очень преуспела в данном мероприятии.

– А ведь я неплохая партия, – приподнявшись на локте и глядя на меня, произнесла.

– Отец дает приданое в семьдесят тысяч душ за мной.

Обалдеть. Может, пересмотреть принципы и за свадебный стол? Это точно миллионы. Еще и единственная дочь. Не од-

но же приданое, еще и другие богатства имеются. Лет через двадцать, глядишь, и удвоится состояние.

– Он отдаст за Михаила Ломоносова? Крайне сомнительного барона?

– Такой свахе не отказывают. И ты в фаворе у императрицы. Вон как отнеслась. Лично указания раздавала, не через канцелярию. Но папа тут не самое худшее, – со вздохом признала. – Для тебя невеста уже приготовлена.

Я резко сел.

– Кто?

– А ты не знал? Бедный, бедный, – в голосе легкая насмешка. – Меншикова.

– Бывшая царская невеста?

Опять вляпался в темное дело. И главное, без малейших усилий. Я без сомнения притягиваю проблемы. Мало, что ль, девиц в России? Так надо обязательно найти самую сомнительную и с мутной репутацией.

– Так померла Машка, не слышал?

Опять не попал. А кто? Много мне интереса выяснять про ссыльных в Сибирь. Или куда их там всем семейством загнали.

– От оспы. Твоих умений там явно не хватило. Зато сестра Александра с братом – выжили.

Брат мне тем более совсем ни к чему. Сколько ему хоть лет?

– Приказано их возвратить из ссылки. Даже имущество

частично вернут. У императрицы на них большие виды. Якобы граф Алексахка в Амстердамский и Венецианский банки добрых полмиллиона золотом перевел и спрятал.

Ничего нового в России не происходит. Все давно случилось. И вывод капитала изобрели как бы не в античности. Богачи Египта и Карфагена в римских банках хранили, и на оборот.

– Старший Меншиков помер, его жена тоже. Только эти в роду и остались. Теперь не опасны.

– А я при чем?

– Ну чего тут сложного, ты же умный, – садясь на кровати и лениво потягиваясь, удивилась Варвара.

– Денег банкиры российским агентам не отдают, ссылаясь на условия вклада, – не особо задумываясь, вычислил. – Их не трогают наши приговоры и конфискации, только дети могут получить.

– Верно! А замуж выйдет – еще и муж, – и она подмигнула. – Ей раньше прочили наследного принца Ангальт-Дессауского.

Понятия не имею, где это и чем место славно. Судя по названию, опять Германия. Кругом одни сплошные немцы. Видимо, дожидаться из холодного края не стал, нашел себе местную.

– У тебя вся спина в родинках, – сказал, проводя кончиками пальцев по гладкой коже. – Видать, счастливая.

– То смотря что под тем счастьем разуместь, – принима-

ясь собирать свои вещи, разбросанные на полу, пробурчала моя несостоявшаяся невеста. – Помимо денег, неплохо бы и сердечную склонность. А то прямо в детстве окрутили, не спросясь.

Типа меня кто-то спрашивал. Сама хоть видела своего нареченного, а мне может запросто достаться крокодил.

Уселась на кровати и, глядя в достаточно большое зеркало, принялась приводить волосы в порядок, пользуясь моей расческой. Нормальное дело. Не идти же в растрепанном виде.

– Какая она? – спрашиваю с замиранием сердца через некоторое время, преподнося многочисленные шпильки, собранные повсюду, даже на полу.

– В ссылку отправляли – еще пятнадцати не было. Сейчас, стало быть, за двадцать. Не могла не измениться.

Совершеннейшее равнодушие. Меншикова ее абсолютно не интересует. А меня – наоборот.

– Конечно, всего имущества не вернут, – критически изучая себя в отражении, легко признала, – однако совсем без ничего не оставят. Правда, драгоценности еще до императрицы растащили.

Да, да. Одежду, постельное белье и пару кастрюль отдадут. Щедрые люди. И ведь даже в клан соответствующий через женитьбу не попадешь. Не Долгорукие с Салтыковыми. Есть в том определенно намек. Алекашка был выскочка, и я тоже. Мы с его дочерью – два сапога пара. В прошлом бы-

ли небедные люди и с положением. А сейчас выкручиваться придется.

Или оно к лучшему? Пришлось бы считаться со старшими и ждать одобрения очередной идеи. А так я по-прежнему никому не подконтролен. Больше того, жена по всем правилам должна убояться мужа и мне не указ. А грозные родственники, кому жаловаться принято, и злобная теща – отсутствуют. Сирота – это хорошо с любой точки зрения.

– Ну-ну, – сказала Варвара, на мои очередные поползновения с поцелуями в шейку и хватания за грудь. Пока не женат, нельзя терять возможность. Да и вид очень привлекательный. И сзади, и спереди. Как бы умудриться ввести нормальные платья, чтобы фигуру нормально изучать предварительно. – Не балуй. В другой раз, а то хватятся.

Ну, обещание получено. Уже неплохо. А то ведь набросился аки зверь рыкающий. Сколько уже нормальной бабы не было. И кстати, а она... Ну это я обязательно выясню, и если нет, научу. Ничего ужасного и в дальнейшей жизни пригодится. Судя по прежним знакомствам, ничем современные женщины от будущих не отличаются. Такие умелицы попадают, где только набрались.

– Помоги лучше одеться.

– К вашим услугам, госпожа.

– Горничная из тебя, Михаил Васильевич, паршивая, – сказала она, хихикнув, через четверть часа перед дверью.

Еще раз внимательно осмотрела себя, погладила меня по

щек. Между прочим, колечко Варвара Алексеевна натурально зажилила на долгую память. Тему стоимости поднимать, хотя бы для виду, и не собирается. И ведь для нее это пшик, при семидесяти тысячах крепостных в приданое. Наверное, и сейчас последнюю копейку папочка не отнимает. Уж мелкий каприз без сомнения оплатит мгновенно. Ан промолчала.

За приятное всегда расплачиваешься, однако уж больно дорогие у нее запросы. Придется на остальные изделия цену накручивать. Чухонцу не объяснишь, пошто раздариваю, когда прибыль по договору пополам. Проще свои отдать. Совесть надо иметь. Он мастер и не обязан меня улаживать.

Выражение ее лица мгновенно изменилось, стало строгим и значительным. Любой глянет и сразу поймет: о важных для Отечества делах беседовали, а не прелюбодеяние творили. Артистка!

Хм... Надо бы у нее, уже задним числом, раскланявшись и поцеловав ручку на глазах людей, подумал, при случае уточнить насчет исповеди. Если не собирается откровенничать, и мне не стоит. А то всплывет – неприятно выйдет. Я не сплетничаю, а вот насчет священников гарантировать не способен.

Глава 6. Последние новости

Керим у входа отсутствовал, а дверь в мои комнаты оказалась открытой. Мысленно я выругался и пообещал себе намылить ему шею всерьез. У человека отсутствуют реальные обязанности, и он вконец обленился. Болтается неизвестно где, забыв поставить меня в известность. Между прочим, торчащий возле моего имущества здоровый жлоб отнюдь не прихоть.

По слухам из первых рук, от Варвары, а кому знать, как не фрейлине, Анна Иоанновна вставала в семь часов утра, первым делом пила кофе и сразу после этого осматривала свои драгоценные украшения: не пропало ли чего. Воровали во дворце безбожно. Три четверти безусловно слуги, причем не удивлюсь, коли из доверенных. Но и остальные посетители могли прихватить нечто ценное на добрую память.

Нельзя так. Надо придумать якобы телохранителю какое полезное занятие, а не позволять маяться без дела. Проблема одна: не очень представляю, что можно ему доверить помимо охраны и убийства. В науках он разбирался еще хуже меня, а говоря свободно на нескольких языках, читать и писать не умел и не собирался учиться.

Толкнув дверь и врываясь внутрь, я обнаружил удобно расположившуюся компанию. То есть пропавшего без вести Керима, со вкусом обгладывающего ребрышко и разва-

лившегося в моем единственном кресле. Он и не подумал сменить позу или застесняться. Напротив, сделал широкий жест, приглашая присоединиться. Зато Андрюха моментально вскочил с табурета, роняя ложку и вытирая жирные губы.

Стол представлял собой яркий пример, куда все девается: наверняка со стола императрицы. Полтора десятка всевозможных блюд из мяса, рыбы (хорошо еще целого осетра не приволокли), и это не считая грибов, паштетов, овощей, а также наравне с пустыми еще нескольких закупоренных бутылок. На любой вкус присутствуют – с венгерским, испанским и еще каким-то неизвестным мне вином. Вот последнее подавалось в очень ограниченном количестве: царица пьяных недолюбливала, и так просто алкоголем было не разжиться.

Зато за едой вообще никто особо не следил, в год уходило на добрых семьдесят тысяч угощения без учета праздников. То особая статья. На фейерверки в ее недавний день рождения разом выбросили в воздух не меньше золота, чем за год на питание. Я когда слышу подобные цифры, жаба душит всерьез. Весь бюджет Российской империи миллионов семь. А праздник такой не один. Еще именины, годовщина коронации и Новый год. Сколько полезного на те деньги можно сделать, и как впустую тратятся!

– Не успел всерьез соскучиться, а ты вон появился, – сказал я, слегка похлопав по плечу Андрюху. – Садись. Будем отмечать радостное событие.

– Мое возвращение?

– Нет, твою расторопность. Не успел приехать, а уже где-то спер кучу добра, – объяснил, наливая себе в стакан подозрительную жидкость и приносясь.

– Валашское, – сообщил Керим.

Это вроде где молдаване живут. Папаша мой в будущем не жаловал молдавское за плохое качество. В советское время считалось одним из лучших – за неимением выбора. Лично я своего мнения по данному вопросу не имею. Тогда не пробовал по малолетству, а позже мы хлебали все больше пиво и крепкие напитки. Ценитель винограда и дегустатор, отличающий калифорнийское от французского вина, из меня не выйдет.

– Это не я! – возмущенно воскликнул Андрюха по поводу моей реплики. – Это все наш татарин.

Забавно, как меняется человек. Не прошло и зимы, а совсем другой вид у парня. Пока каждый день видишь, преобразования не замечаешь. А теперь в глаза бросается. Смотрится уже взрослым мужиком, не как при первой встрече. Плечи раздались, голос не срывается, лицо обветрилось. Взгляд, правда, ничуть не изменился. Все такой же хитрюга и себе на уме.

– Какой он тебе татарин, – произнес я лениво, – ты посмотри на него. Русский чистой воды.

– А? – озадаченно переспросил.

– Точно, – согласился Керим с ухмылкой. – И зовут меня

с недавних пор Геннадий Михайлович. Геннадий, чтоб ты знал, – это благородный.

– Крещеный, что ли? – после короткой заминки догадался Андрюха.

– А то! Я нынче православный, – и он демонстративно перекрестился.

– И не просто так: я ему крестный отец, – добавил я.

– И я стал почти господин Ломоносов... – Подумал и брякнул: – Барон.

– А мать крестная часом не царица? – Андрюха пошутил.

– Ну почти, – гордо ответил новообращенный. – Анастасия Ермиловна Аргамакова.

На лице парня отразилось глубокое недоумение. А казалось бы, умный. У курляндской герцогини Анны Иоанновны гофмейстериней при дворе числилась. Муж помер, но она и сейчас немалый вес имеет. Еще один путь завязать полезные связи. Мне – Кериму-то без разницы. Его и учить разным молитвенным премудростям пришлось из-под палки. Он все одно при своем убеждении остался – насчет ненужности специальных зданий для молитв и посредников. У него свои твердо усвоенные понятия. Хорошо еще не пытается мазать салом и кровью иконы. На людях вполне выдержан в этом отношении.

– Кстати, насчет Ломоносовых...

Андрюха стрельнул глазами в раба божьего Геннадия, затем перевел на меня. Очень выразительно вышло.

– Да говори уже, – недовольно пробурчал я, подбирая горбушкой паштет с тарелки.

– Оба вы про мои дела в курсе.

– Меня опасаясь? – Керим крайне удивился. – Родичам ничего плохого не сделаю. – Я ожидал чего-то вроде «вот те крест», но не дождался. Хорошо еще Аллахом клясться не стал. – А про остальное мне все равно. Никому не передам. Да и я ничего в мануфактурах и науках не понимаю, – показывая красивые ровные зубы, поведал мой крестник. – Мне бы коня да саблю, а ваши хитрые подходцы и договора – до того самого места.

Стоп! А ведь есть у меня для него отличное применение. Бирон у нас большой любитель лошадей. Я, в отличие от немчуры, в них понимаю самый минимум. Отправить его найти подходящего жеребца в подарок. Или даже не одного. Лишний раз подольститься не мешает. Потом вернется сторицей, если удастся угодить.

– Да все просто, – говорю лениво. – Любая наука определяется элементарно. Если оно зеленое или ползает, бегает, кусается – это биология. Воняет – химия, шестеренки – механика, камни – геология, звезды – астрономия. Много слов непонятных – философия.

Оба усталились на меня в заметном обалдении. Наверное, еще никто не доносил до слушателей более доходчивого определения учености.

– За простоту и незамутненность сознания! – провозгла-

сил я, поднимая кружку.

Они с задержкой подняли свои. Кажется, меня опять понесло и это уже лишнее.

Впрочем, и они оба изрядно поддавшие. Наотмечались еще до появления начальства.

– Все. Пошутили и хватит. Выкладывай свои новости, – приказал.

– Письма у меня, – Андрюха полез в стоящий рядом со столом мешок.

– Это потом. Ты на словах выкладывай. Что видел, о чем догадался, какие шаги предпринял. Или я сильно хорошо о тебе думаю?

– Ну, перво-наперво я все сделал по вашему слову, – явно подбирая слова, сказал он, старательно не глядя в глаза. – Деньги честь по чести передал. Василий Дорофеевич горд вашими успехами. Приятно ему, что в большие люди сын вышел. – Андрюха странно покрутил головой. Чем дальше, тем меньше нравилось мне его поведение. – Соседей расспросил, есть ли нужда какая или ссоры. А то не всегда сами скажут.

– Ты долго собираешься тянуть кота за хвост?

– Поэт у нас Михаил Васильевич, – булькнул от смеха Керим. – Скажет иной раз...

– Ну это... действительно дело семейное. У женщины той, Ирины, ребенок образовался.

– Образовался, – Керим задохнулся смехом, – и кто тут нерусь?

Потом, видимо, дошло, и он резко заткнулся. Не знаю, что там у меня на лице проступило, но никаких особых эмоций не почувствовал. Ну, скорее всего, мой ребенок. И что с того? Немедленно нестись повидаться или вопить от счастья не тянуло. Это все слова. Абстракция. Я даже особой причастности не ощущал. Слишком далеко и давно происходило. Старые впечатления вытеснены новыми. Уже и лица ее особо не помню. Мои встречи с женщинами в здешней жизни, как и в прошлой, если уж быть честным, приятное, но ни к чему не обязывающее событие. Я им ничего не предлагал помимо веселого развлечения и удовольствия, и они до сих пор ничего не требовали.

– Кто родился?

– Девочка – Евдокией крещена. А у отца вашего, Михаил Василевич, – продолжал между тем частить Андрюха, стараясь не дать перебить, – жена его прежняя преставилась при родах. Еще одну девочку подарила – Ольгу. И того... Ну и он... это... взял ее за себя. Иринью. Как бы грех на себя принял. Его ребенок как бы стал. По всем записям и церковным книгам. Сестра она вам отныне.

А самое забавное, прикинул я, что и моя подружка по отцу Семеновна. Как прежняя. Если когда потомки сильно благодарные начнут разбираться в биографии, фиг поймут, сколько жен в семье и от кого дети. Ну тятя – орел! Уважаю. Одним махом сразу несколько зайцев поймал. И жену новую, и за младенцем есть кому присмотреть, и меня реально при-

крыл, да и ей польза немалая. Теперь официальной супругой стала и за его спиной удачно пристроилась.

Вряд ли в нынешнем веке матери-одиночки уважением пользуются. А ведь аборт не сделала. Не думаю, что нельзя. Такие вещи люди умели чуть ли не в каменном веке. Правда, и смертность наверняка огромная, но это смотря от сроков. На ранней стадии ничего ужасного.

Натурально почувствовал себя крайне неудобно. Особо и не вспоминал, разве на первых порах. И не зря письма почти не приходят, а в последнее время назад не зовет. Не дай бог возвернусь, Санта-Барбара начнется. Оно ему надо? Особенно теперь, когда Андриха обсказал про мою шикарную жизнь и привез немалые деньги. Ванька есть, еще один... хм... наследник.

– В общем, деньги те, пятьдесят рублей, я как бы для всех детей вручил. Отдельно. На будущее али на черный день. Что для отца вашего – то само собой, а им – собственное...

Он продолжал маяться, и пришлось высказаться:

– Ну и молодец. Правильно сделал. Раз в доме хозяйка имеется, пусть ими и занимается.

Это надо отложить на будущее. Деньги посылать постоянно, да и письмо отправить ласковое, со всем уважением. Ма-тушкой типа назвать. Очень смешно. Домой лучше не показываться – во избежание, ипить! А не было ли в том советском сериале намек на эти обстоятельства? Прямо сказать не могли, облик морале великого ученого портить, но эти

заигрывания, над которыми, вспомнив киношку, посмеивался? Может, как ни крутись, а результат все равно один? Нет. Ерунда. До прививок оспы лет на сто позже додумались. Изменил я историю.

– И это...

– Чего это?

– Расспросил я будто невзначай про матушку вашу. Не сходятся сроки, – уже из-под стола, прячась от кулака, поразил меня Андрюха.

Скотина. Все равно не успокоился. Если понадобится, нарисую себе биографию хоть лично от Юлия Цезаря, но зачем? Эти вещи достаточно просто проверяются, и кровное родство не выдуманное, а фактическое запросто станет опасным. Как княжну Тараканову засадят в крепость – и сдохнешь там без всякого смысла.

– О чем он? – с недоумением спросил Геннадий.

– Ладно, – сказал я без особого гнева. – Вылазь. Бить не стану. Наказание потом придумаю. Понеприятнее.

– Это как вам будет угодно. Не для себя старался.

– Как они вообще... ну живет семья?

– Нормально так живут, – усаживаясь на стул так, чтобы не достать его рукой, и хитро поблескивая глазами, заверил Андрюха. – Дружно. Дети малые орут – так то завсегда так. Когда мои сестры появлялись...

– Лирика потом.

– А? Ну да, ну да. Сделал я все, и даже больше. Два мешка

с картошкой отвез. Все-все рассказал. И как готовить, и как сажать. Сроки, ухаживание...

– Питаться я понимаю, а урожай какой собирать станешь? Сажать уже обучился, окучивать?

– Так зачем в затылке чесать на манер барана? – он ухмыльнулся. – Мы с матерью расспросили немцев, то бишь голландцев. Там давно выращивают. Наши москвичи жрать не хотят, а при желании найти подходящего человека совсем не труд.

Похоже, меня в очередной раз макнули мордой в грязь. Причем он даже, скорее всего, не понял этого. Я же в его представлении не всезнайка, просто где-то у иностранцев набрался мудрости по части малоизвестного продукта. Сам не сажал и не собирал. Значит, что? Правильно! Расспросить занимающегося этим профессионально. В огороде на Кукуе не найти нельзя. Раз еще Петр пытался внедрить.

И ведь когда дело касается какого самовара, я не стараюсь специалиста обучать, что означает лудить оловом. А тут раскомандовался. Опытные участки. Здесь на таком расстоянии, там на другом, в третьем месте с проросшими глазками отдельно. Сравнить типа. Без меня уже научились. Хотя... Одно другому ведь нисколько не мешает. Может, и будет прок. Висит же в мозгу застрявшая мысль об удобрениях соломой и торфом. Проверить. Рост урожайности – дело в высшей степени нужное.

В учебнике про средние века было про трехполье в Ан-

глии и выгул там овец. Якобы от их навоза польза. Тоже выяснить. Вдруг и без меня в курсе, и нечего начинать. А нет – так не проблема обсудить. Деревеньку мне надо. Под опыты. Только сам же там сидеть не стану, а поручить кому?

– Расспросили его обстоятельно, – продолжал Андрюха под мои раздумья. – В Московской губернии у ржи урожай сам-два с половиной, в хорошие годы до трех, а картопля по весу раз в десять больше дает! Ежели выйдет, большие капиталы можно набрать, особливо в недород, – он осекся.

– Ты договаривай, – ласково предлагаю.

– Мы с маманей посоветовались да землицы у Москвы прикупили под овощ. Да и возле Петербурга не мешает, – закончил он без особого смущения. – Ну а че, картопля сытная, и никто всерьез ею не занимался.

– Так не покупают, – отрезал Керим.

– У Михаила Васильевича все возьмут, – убежденно заявил Андрюха. – Он когда ошибался? Только глянет – и новое, всем нужное, придумает.

Это огромное преувеличение. Простой народ по большей части и не подозревает о моих изобретениях. Ни самовар, ни перья для ручек его не интересуют и ни капли не волнуют. Оспопрививание доберется до какой-нибудь Твери лет через десять. Хотя, по мне, и это достижение. В той реальности добрый век понадобился, если не больше. И полностью искоренили болезнь едва не после революции. А картошка вещь крайне полезная и обладает большой энергетической емко-

стью и калорийностью. Уж точно польза от нее немалая. Колорадские жуки пока в Колорадо, и портить продукт некому.

Правда, преодолеть старые привычки будет непросто. Но мой рецепт универсален. Внедрять сверху. Не приказами – наглядным примером. Пусть богатые покупают, а бедные смотрят и завидуют. Рано или поздно оно все пойдет ниже, в более широкие слои населения. Как станет чай дешевле, за самоварами непременно выстроится огромная очередь. А появится много грамотных – и перья понадобятся обязательно.

Будут еще плохие года. Трахнет голодуха всерьез, и увидят, что от картошки никто не думает помирать, – так сами начнут разводить. И отправка на Север замечательная идея. Андрюхе большой и жирный плюс. Надо было самому сообщить. Почвы бедные, самое место для выращивания. А заставлять насильно – пусть цари этими глупостями занимаются. Человек свою выгоду быстро распознает и отказываться от комфорта категорически не желает.

– И здесь, – заявил Андрюха с торжеством, – прав будет. А до поры огромные поля без надобности. Иностранцев в столице много, есть кому прикупить. Не возить же им из самой Голландии втридорога. А нам лишняя копейка очень даже уместна, – и смотрит с вызовом.

– Пусть, – сказал своему уже не мусульманину Геннадию. – Он же хитрый, а не сквалыга. Вишь, с родичами моими поделился. Я еще отпишу, однако понимать надо – се-

вер всегда плохо жил. Хлеб чуть не весь привозной. А тут на малом участке урожай большой выйдет. Зерно для себя и на продажу, дополнительное, питание для людей, и скоту пойдет на подкормку. Не едал ты мяса коров, на рыбе выращенных. Без привычки недолго и облеваться. Даже мерзлый картофель свиньям на пищу подойдет. Из него можно что угодно сделать. Хоть в хлеб добавлять. Все лучше всякой лебеды, чтобы брюхо набить. И приятнее на вкус.

– Я так и излагал, – подтвердил Андрюха.

Ну еще бы. От меня и слышал. Не в первый раз соловьем заливаюсь. В иных случаях начинаю будто по написанному трещать. Надо бы перестать вещать при каждом удобном случае. Скоро кривиться начнут от повторений. Все хорошо в меру.

– Они согласились попробовать. Семейство то есть ваше.

– Ну, раз все хорошо, – вклинился обрадованный Керим, принимаясь разливать из бутылки по кружкам, – по этому поводу не мешает выпить. Мне теперь можно.

– А то ты раньше не употреблял.

– Так то раньше, а то сейчас! – он нагло ухмыльнулся. – Не по-русски будет оставить последнюю недопитой.

– А помимо моих родичей как дела в Москве? – спросил я слегка разомлевшего Андрюху. Основную сложность он спихнул, теперь можно и расслабиться.

– А! – резко распрямился он. – Совсем забыл, – и пихает вбок сумку. Звук какой-то металлический. – Еле донес. Тут

Демид и Козьма не полностью рассчитались.

Я кивнул. Сразу никому из моих компаньонов пятилетне-го заработка не поднять, чтобы вернуть. Заранее знал. А не зверь я. Дал возможность по частям и под малый процент. Иной раз лучше меньше, да стабильно, чем сразу – и куча недовольных, готовых подождать с кистенем в темном переулке. Но вот теперь не мешает и резко напомнить о слове, честь по чести даденном.

– В Петербурх перебираться не хотят. Значит, от них и остальных положенное, кроме Павла.

С ним у меня отдельный договор. Пусть пашет самостоятельно, но под моим приглядом.

– Добрых четырехста рублей без малого привез.

– Ну ничего себе позабыл, – присвистнул Керим. – Такие деньжищи.

– Все отдельно собрано, проверено, – солидно заверил Андрюха, – и под запись. Но главное, – он расплылся в довольной улыбке, – все сделал как сказано. Людишек сманил. Опытных, умелых и готовых рискнуть.

– Тебе сказано?

– Мамаше, – сразу согласился он. – Али мы не одна семья? Вместе покумекали, с кем говорить да чего предложить. Вы же разрешили, если действительно подходящее нечто от себя добавить....

– Так и было, – подтвердил я. И Акулине Ивановне на-кинуть, коли специалиста задешево откопает. Только непью-

щего и действительно соображающего в своем ремесле.

– Вот! Слово Михаил Васильевич сказал – она и рассталась.

Все же мать, а не он. Только ветер делает.

– Выходит, так, – принялся загибать пальцы Андрюха. – Пятеро из Спасских школ, один другого краше. Не на морду, по сообразительности.

Я невольно хмыкнул.

– Знаю?

– Ну видеть должны были, – без особой уверенности ответил он. – Лука в средних классах обретался. Остальные из младших.

– Я ведь погоню, ежели дурить начнут.

– Ну это как водится. Грамотные вам непременно понадобятся, – убежденно заявил оратор. – Чтобы не просто книги носили, а понимали в них. Нельзя быть везде одновременно и за всем проследить. А они как раз могут в ученики пойти.

– К кому?

– Например, к Костину, аптекарю с дипломом, из гошпиталю.

Это экземпляр мне хорошо знакомый, подходящий, хотя не уверен в реальной необходимости. Можно и у здешних приобрести необходимые ингредиенты. С другой стороны, он и в химии неплохо рубит, не требуется, мучительно подыскивая слова, разъяснять, чего хочу. Мало того, сам и соорудит. Надо тебе кислоту или щелочь – сделает. И заод-

но объяснит, что описанное мной летучее вещество под названием «эфир» не так давно получено каким-то Фробениусом. Причем именно под этим названием, хотя известно оно давно, только применения не нашли. При необходимости и наличии сырья выдаст в любом количестве. А мне как раз это и нужно.

Есть чем его занять. На Ухте под Архангельском нефть, оказывается, имеется, по рассказам земляков. И под Казанью на какой-то реке Соку тоже. Становись и ведрами черпай. Купить несколько бочек не проблема, и не нужно на Кавказ мотаться. Вот пусть и займется перегонной установкой. Будет бензин на первых порах для чистки, а главное – керосин для освещения. И лампу соответственно постараемся соорудить. Для освещения полезно. Раздражает вечная полутьма вечером. Да и вообще вшей точно керосином выводили.

– Жалованья попросил...

– Стоп. Это потом. Договор есть?

– Конечно, – он повторно пихнул ногой сумку.

– Посмотрю. А теперь перечисляй.

– Двое работников от Демида, старший Егор. – А вот это удачно. Он ничуть не хуже бывших хозяев, и чуток везения – поднимется. А для моих целей правильный экземпляр. Можно положиться на добросовестность и честность. Еще мастер по стеклу от Фомы – Семен.

Нормально. Раз нельзя перетащить знакомых, почему не

воспользоваться их помощниками. Семена не помню, но будем считать, кого надо пригласили. Заподозрить Акулину Ивановну в легкомыслии сложно.

В грядущем это называется утечкой мозгов. Только теперь не я в долю проситься стану – они у меня на жалованье сядут. И в перспективе для правильных компаньонство.

– Гравера привез. Ивана Зубова.

– Зачем? – спросил я после короткого размышления.

– Он с Московского печатного двора уволен с казенной должности, а мастер известный.

– Зачем он мне? – спросил с расстановкой.

Геннадий хмыкнул довольно.

– Жалко мне ваши картины, – сказал Андрюха проникновенным тоном, прикладывая руки к груди, – брат его родной делает сейчас портрет государыни и много работает по заказам богатых людей. А тут само в руки идет. Ведь сохранится для потомков, а вы храните, прости меня господи, как мусор какой.

Я подумал и мысленно развел руками. Может, и имеет смысл. Я-то не по заказам рисую. Пейзажи да монастыри не интересны. А галерея всякого рода представителей российского народа и через пару веков может быть любопытна. Картины не парадные, а в стиле реализма. Тут уж без подвоха, личное творчество.

– Ладно, побеседую с ним. Только сначала на работы гляну.

– А меня рисовал? – подозрительно спросил мой крестный сын, наставив палец на манер пистолета.

– Даже дважды.

– А почему не показал?

– А никому не показываю. Баловство.

– Хочу видеть!

– Завтра. Нет сил сейчас искать.

– Но обязательно!

– Все? – спросил я Андрюху. – Больше никого в мешке не доставил?

– Ну, еще Степанида, – без особой охоты добавил он.

Это про младшую сестру.

– Она зачем? – удивился я.

– Мамаша не может здесь за всем присматривать, а человек верный и в курсе происходящего – нужен. Татьяна высоко занеслась. Авдотья при матушке осталась, а Степаниду сюда.

– Вместо тебя, что ли? Сменяю на девку, заодно и штаны постирает.

– Нет, – обиделся, – почему сразу издеваться.

– А правда, куда ее?

– Думаете, хуже матери будет? – очень трезво спросил Андрюха. – Пару лет покрутится при мне – и любого купца перплюнет. Она из сестер самая умная. Ну а пока за домом присмотрит.

– А вот его у меня как раз и нет.

– Так Геннадий говорит, скоро появится.

– Ага, обещанного три года ждут. Ты платишь, а они еще просят.

– Уже и артели ходют, выпрашивают об условиях, – подал голос бывший Керим. – Мы своего не упустим!

Глава 7. Неудачный спор

Он взмахнул саблей словно нехотя. Я отбил удар с лязгом. Еще одно движение, чуть быстрее, вновь звон железа. Геннадий, я даже мысленно старался не вспоминать прежнее имя, попутно превратив его просто в обычного Гену, стоял спокойно, небрежно двигая рукой, вторую заложив за спину. Третьей атаки я парировать не успел. Клинок вытянул меня поперек груди кончиком. Даже сквозь толстый кожух ощутил неприятное чувство. Дерись мы всерьез – имел бы крайне неприятную рану. А сейчас без крупного синяка не останусь. И ведь не с размаху, как бы одной кистью умудрился врезать.

– Еще, – сказал сквозь зубы.

– Азарта в тебе много, Михаил Васильевич, – произнес он с оттенком недоумения. – В обычной жизни ведь холодный человек, умствуешь частенько. В карты и то не любишь, а здесь уперся.

– Начали!

С некоторых пор не играю дворянина. Я им являюсь реально и обязан некоторые вещи уметь. Принадлежность к данному сословию означает обязательность определенных правил поведения, принципов чести и даже покроя одежды и внешнего вида. Та же борода достаточно четкий признак принадлежности к определенной группе. Петр, оказывается,

не рвался всех обрить. Он скорее пытался сделать очевидным с первого взгляда положение человека.

Дворяне обязаны быть чисто выбритыми, духовенство и крестьяне сохранили бороды. От них никто не требовал освобождаться от растительности на лице. Лишь мещане попадались самые разные, но, как водится, стремящиеся приклониться к высшему слою старались вести себя соответствующим образом. То есть принят у дворян и хочешь породниться – будь любезен побриться. Таковы правила.

Отбиваться от грабителей, слава богу, приходилось не часто. Хорошо, до мушкетерских поединков по три раза в день еще не доросли. Вышестоящие по положению могут высечь приказать, а кое-кто попроще и кулаком заехать. Только учиться все одно надо. Пригодится. Не в последний же день браться за оружие. Да и ответить иной раз полезно по всей форме, чтобы не приняли за труса.

– Ну не держи шпагу, как оглоблю, – не двигаясь, сказал он, – сколько можно повторять. Ты же не мужик какой, барон!

Я сделал резкий выпад, отбитый обычным образом. Третью неделю пытаюсь освоить азы фехтования. После грабителей принял вполне обоснованное решение учиться. Мало ли что случается, не всегда рядом подвернутся спасители. Минимум знаний нужен, да и для поддержания физической формы полезно. При моем сидячем образе жизни и хорошем питании скоро последние мускулы в жире растворятся. Ко-

роче, нужно и важно.

— Размахиваешь шпагой будто цепом. Я не зерно и стоять не собираюсь... — Он легко передвигался, не позволяя приблизиться и постоянно угрожая.

Клинок в его руке так и мелькал, заставляя постоянно переходить в оборону. Казалось бы, при большем росте, длине рук я должен иметь преимущество, а на самом деле он вытворял что хотел. Мастер. И не потому что меня гоняет. Приходили посмотреть на наше баловство более умелые люди. Мало кто способен всерьез противостоять Гене.

Причем я не зря попросил именно его потренировать. Лозунга «главное не победа, а участие» он, безусловно, никогда не слышал, зато всем поведением сознательно его опровергал. Если вышел в бой, не чурайся каких угодно методов. Самые неприятных и грязных. Своя шкура важнее всего. Благодарство, поклоны, красивые жесты — все это остается до схватки и не должно интересовать. Убить врага — вот единственная и правильная цель, поучал он, когда было настроение. Мысленно я за кровожадные высказывания именую его не иначе, как крокодилом Геной.

Бзынь, сказал клинок и совершенно независимо от моей воли вылетел из пальцев. Я только огорченно вздохнул, так и не уловив приема. Между прочим, здешняя шпага совсем не легкомысленный прут из кинофильмов. Скорее облегченный меч. Ею можно не только колоть, но и рубить. В умелых руках страшное оружие. На спортивную, с защитным нако-

нечником, совсем не похожа. Попади я в горячке – недолго и заработать неприятную рану.

Лично для себя Гена сразу потребовал кавалерийскую саблю. И не стал хватать первую попавшуюся, выставленную на продажу. Долго выбирал по неизвестным мне приметам, пока не остановился на понравившейся. Судя по надписям и узорам на клинке – как бы не натуральный булат от арабов. Или с Кавказа. Там, говорят, очень приличное оружие делают. Кому надо – с украшениями, а прочим простое, но надежное и функциональное. Не хуже западных образцов. Стоила диких денег, но в иных отношениях скупиться глупо. Да и подарок на крещение должен быть красивым.

– Может, лучше возьмемся за пистолеты? – хмуро спросил я.

С этим особых проблем не оказалось. Все-таки ничего сложного в зарядке нет. Нудно, отнимает много времени, лишая шанса перезарядиться до нападения противника, однако я и без того о том слышал. Вот расстояние, с которого можно поразить мишень, нехорошо удивило. Не удивительно, что стреляться приходилось с двадцати шагов. Заряд в бою выгоднее держать до последнего момента, когда зрачки атакующего станут видны. Иначе практически все в «молоко». Разве случайно можно поразить. Ну или в толпу шмалить.

Сама система невольно заставляет задуматься об улучшении. Хотя помимо барабана ничего пока на ум не пришло. А

это не для здешних технологий. Вот патрон создать, пусть и не в металлической гильзе, но стандартный, – вышло бы изумительно. К сожалению, я даже из охотничьего ружья в детстве не стрелял. Тем более не держал в руках столь замечательного АКМ. Можно подумать, самая важная вещь на свете. Прекрасно жил без огнестрела до попадания сюда. Знания не то что поверхностные – полностью отсутствуют.

Хотя это на первый взгляд. При правильном подходе кое-что вспоминается. Вот сипаи в Индии восстали, потому что их заставляли скусывать патрон, смазанный животным жиром. А это что значит? Да то, что отмеренные порции пороха и свинца в картонном цилиндрике вещь возможная и перспективная. Да и сама пуля должна быть не круглой, а ствол – нарезным. Не хватает сущей ерунды – убедить остальных, имея пустоту в качестве доказательств.

– Не иди по легкому пути, – отвечает Гена. – Лишь преодолевая трудности, человек закаляется в испытаниях.

Восточная мудрость, часть первая. Или вторая. Иногда выдает такие перлы, сам не замечая. Явно же цитата, да сам не знает откуда. Где-то слышал. Может, в детстве.

– Игра закончилась, теперь займемся реальным делом. Встань в стойку. Спину прямо!

Дальше началось очередное издевательство. Для начала он пытался заставить меня выучить пару стандартных комплексов. Что за чем и как. Я честно старался, поощряемый насмешками и издевательскими комментариями. Чест-

ное слово, не задевало. Все понимаю: тоже метод стимулировать. В обычной жизни Гена себе такого поведения не позволял, хорошо зная субординацию. А здесь сам напросился – значит, положено терпеть.

– Ваше высочество, – сказал мой тренер, отступая и низко кланяясь.

– Пора заканчивать, – решительно потребовала Лиза. – Уроки прекратились, и у нас еще имеется важное дело.

Я почувствовал настоящую радость. Устал, и все мышцы ноют, а здесь изумительная причина прекратить занятия. Судя по ухмылке Гены, он все эти мысли в момент просчитал. Как и то, что я в очередной раз проморгал появление подопечной. И ладно бы одной – нет, в сопровождении целой свиты из разного возраста девиц. Фрейлины, гувернантки, горничные. Интересно, сколько они пялились на мой позор, прежде чем дождались поклона?

Кстати, совсем вылетело из головы. В первое время постоянно напоминал о днях рождения, праздниках и вообще о семейных делах офицеров гвардии. Кому письмо с поздравлениями за ее подписью, кому подарок или материальную помощь из личных средств. Подкуп? Ну, наверное, так и есть. По мне, ближе налаживание отношений на будущее. Траты выходили немалые, однако и ответное отношение заметно улучшилось. Люди видели, что Лиза о них помнит и готова помочь, и уже обнаружили в ней не просто куклу или некий символ, а живого и отзывчивого человека.

Особенно здорово, когда проявляет заботу не напрямую, а о семьях. Раньше солдатские жены, дочери и вдовы находились под покровительством Екатерины Алексеевны и могли рассчитывать на вспомоществование. Теперь, после парочки случаев, урок усвоили, и Семеновского полку солдатская дочь девка Авдотья Тимофеевна просит Лизу, чтобы ей пожаловать на приданое.

И приходится «салдатской жене и вдове Катерине Васильевой» посылать помимо письма «за скудость на оплату долгу семи рублевъ, да за покупку двора восемь рублевъ, которыхъ ей платить нечемъ»... Это я так пишу нынче. Да с ятями, чтобы они провалились. Уже несколько раз несчастным помогали. Натурально за Лизу молятся и обожают. А это полезно на будущее.

Достаточно быстро Лиза усвоила урок и сама без напоминаний спрашивала о нуждах, не забывая и солдат. За некоторых даже вступалась, если провинности не очень тяжкие, просила уменьшить. Короче, выползла из своей комнаты и общалась с людьми. А также с их детьми, что достаточно важно. Когда-нибудь из них выйдут военные и государственные деятели. Немалый бонус заранее быть в курсе положительных и отрицательных черт. А это, хочешь – не хочешь, проявляется на встречах и в разговорах.

– Надеюсь, Тарас Петрович не обрушит на меня очередные жалобы по поводу нерадения в науках, – сказал я, когда Лиза приблизилась, наблюдая за моим избавлением от

защитного нагрудника.

Чувствовал я себя не очень хорошо. Сейчас бы под холодный душ да переодеться. И то и другое в восемнадцатом веке не предусмотрено. Разве рубаху сменить, но не на глазах же всей компании. Раздеваться до исподнего в высшем свете как бы не принято на глазах незамужних девушек. Они бы не возражали, да ведь донесут непременно. Все огребем кучу неприятностей.

Так и пойду в потном, благо давно к запашкам окружающим притерпелся, а на улице не так чтобы тепло. Пока еще зима не завершилась. Во всех смыслах – и по температуре, и по календарю. Ничего, все нормально. От господина Остермана, например, вообще желательно держаться с подветренной стороны. Там не запах – вонь натуральная. Совсем за собой не следит и всех достал. А храбрости сказать в лицо ни у кого не имеется. Обязательно при случае сделает гадость: злопамятный.

– Я была просто изумительной ученицей, – отвечает Лиза. – Знаю, знаю. Хвалит за спиной, чтобы не возгордилась, мои замечательные математические способности. Он никак в толк не возьмет, как я так скоро вычисления творю, – и она хитренько улыбнулась.

Некоторые вещи я не то чтобы скрываю, просто к слову не пришлось. А с ней поделился несколькими простейшими способами быстрого счета. Когда-то меня научила бабушка, а позднее обнаружил на книжной полке и автора, много по

тому поводу писавшего, по фамилии Перельман.

Техника на самом деле простейшая, зато при отсутствии элементарных счетных машинок изрядно облегчает жизнь. Еще было несколько других книг, вроде занимательной физики и астрономии, но в очередной раз осталось с десятков элементарных математических фокусов, которыми вполне можно поражать знакомых. Остальное куда-то стандартно уползло в неизвестность. Кроме обложки, ничего не осталось в памяти.

– Ну? – нетерпеливо потребовала подопечная. – Едем!

Полтора человека гордо маршировали перед нами. С барабанным боем и стуком подметок. «В неделю по дважды» гвардейским полкам было приказано обучаться строевым «экзерцициям», чтобы «солдаты оказывали приемы и делали вдруг и бодро, и стояли прямо, а не согнувшись... чтобы шли плечом к плечу и ружья несли круче, ступая разом, и головы держали прямо».

Учения тоже устраивали регулярно. И вполне серьезные. Частенько сама императрица на них присутствовала. Во вторник палили по семь патронов. Затем по одиннадцать и пятнадцать. Не для проформы тренировались, и не один рожок АК на два года службы. Гвардия и повоевать сможет при удаче.

Смотрелось достаточно красиво. Мундиры зеленого сукна, с красной подкладкой, оторочкой и галунами, блестящие медные пуговицы. Не иначе, долго старались, начищая. Медь

быстро темнеет. Камзол и штаны красные, епанча красная суконная, с зеленым воротником. Ко всему еще дикого вида шляпы. Уже привычная треуголка и так называемая «гренадерка». Нелепый высокий колпак.

Уточнил шепотом у Гены. Оказывается, очень даже лепый. Данная категория солдат швырялась в бою подобием ручных гранат. По команде «Гренадеры, ружья за спину!» солдат, держа левой рукой ружье за шейку приклада, выносил его на вытянутой руке вперед перед собой. При этом правой рукой он максимально отводил вправо ремень ружья. Дальше солдат скрещивал согнутые в локтях руки перед собой, так чтобы локоть правой руки проходил над левой рукой. После этого перебрасывал ружье за спину так, что приклад оказывался справа снизу. Выполнить такой строевой прием давала возможность только остроконечная шапка, так как треуголка не могла пройти между ремнем и ружьем.

Почему нельзя сделать нормальные шапки или хотя бы каски? Ничуть не хуже выйдет, и голову много лучше предохраняет. Так, так... Пресс нужен. Сталь не очень толстая, иначе шея не выдержит. Корпус, подшлемник из кожи и ремень. В принципе вопрос решаемый. Ничего ужасного. В конце концов, можно из трех-четырех деталей, на манер римских шлемов. Они были на заклепках – и ничего, удар держали.

В наполеоновскую пору кавалеристы носили каски. Эти... как их... да – кирасиры. Значит, возможно. Надо все же ис-

кать подходящую мастерскую, а лучше приобрести в полное пользование. Мастер на жалованье будет много полезнее хозяина. Не станет крутить пальцем у виска при очередном странном заказе.

– Хорошо идут, – с чувством сказал какой-то военный в серьезном чине рядом. Побрякушки на груди, золоченое шитье. Анекдот про генерала и швейцара я слышал, но здесь он прозвучит признаком дурного тона. Уж что-что, а уровень человека быстро в сословном обществе по поведению и одежде учишься вычислять безошибочно.

Очень напрягает отсутствие погон и звездочек. Вечно сбивает с толку. Большинство гвардейских офицеров и конечно всех измайловцев я знаю хотя бы в лицо. Не так их и много. Этого вижу в первый раз. Кажется, он уловил затруднения и представился, не дожидаясь просьбы.

– Василий Иванович Суворов.

– Михаил Васильевич Ломоносов, – отвечаю в легком обалдении.

Не настолько я тупой, чтоб не слышать про генералиссимуса Суворова. Даже памятник в Швейцарии в честь перехода через Альпы своими глазами видел. Перевал Сен-Готард, он сидит на лошади. Не перевал на коне, а фельдмаршал в виде статуи. Только Василий Иванович – это Чапаев из анекдотов. Полководца звали Александр Васильевич. А! Так это папаша евоный!

– Надеюсь, с сыном вашим все благополучно? Сколько

уже ему?

Он странно на меня покосился, заставив внутренне покраснеть. Опять нечто не ко времени брякнул. Кажется, в детстве будущий герой был крайне болезненным.

– Третий год пошел, – сказал папаша с оттенком гордости.

Опять облом. Даже в друзья не набиться. Тут скорее герою не помешает мое покровительство лет через десять. Дворяне своих сосунков чуть не с рождения записывают в полк. Стаж идет, чины растут, а он пока в поместье забавляется. Зато по прибытии на службу знакомства пригодятся.

– Род Суворовых славен своими делами, – произнес я, практически не опасаясь оказаться пойманным на шулерстве. Кто же признается, что предки козлы. Должности и звания он так и не назвал, но справки навести нетрудно. – Всегда готов оказать содействие при необходимости. Вы по службе здесь?

– С докладом прибыл в Военную коллегию, – подтвердил тезка Чапаева.

Кажется, все же я был несколько прямолинеен. Он в легкой растерянности от напора.

Это от неожиданности вышло. Уж очень знакомая фамилия подействовала. Так и увидел: лучший друг великого воинского гения, дающий правильные советы. Какая там дружба при такой разнице в возрасте. Вечно все идет не так.

– Ея высочеству много больше понравились стрельбы, – дипломатически говорю, пытаюсь спустить первое впечатле-

ние на тормозах.

У офицеров еще и штаны зеленые. Почему не сделать одну штанину одного цвета, другую иного? Еще заметнее смотрелись бы. Безусловно, измайловцы на цирковых артистов не тянули. Те себя пудрой не посыпали. И все же впечатления временами странные. Нет, разумом я все понимаю. И необходимость из полных неумех создать людей, автоматически реагирующих на команды, и вбивание палками капралов и офицеров последовательности определенных приемов.

Даже важность шагистики для перестроения и необходимость отличаться от врага расцветкой с первого взгляда сознаю. Тем не менее, в душе очень рад, что не надо изображать из себя болвана, маршируя бесконечно по плацу под вопли начальников и стук барабанщиков. Если ты умный, почему ходишь строем? Ну вот и остановились.

– Талантливый человек, – внезапно раздался в наступившей тишине голосок Лизы, – это разносторонний человек. Он способен на очень многое.

– Воистину так, – охотно подтвердил премьер-майор Шипов, сопровождающий Лизу на данном мероприятии. – Иному достаточно глянуть, чтобы обнаружить недостатки в привычном.

Чего я так и не понял, каким образом командир драгунского полка может перевестись в гвардейский пехотный. Вроде бы уставы для кавалерии и инфантерии с артиллерией разные. Надо же разбираться в тонкостях службы. С другой

стороны, если можно запросто военного назначить послом, а адмирала губернатором или наоборот, то ничего ужасного. Половина должностей в России занята не по уму и специальности, а исключительно благодаря полезным знакомствам.

– Вы хотите сказать, Иван Афанасьевич, – с ехидцей произнес секунд-майор Чернецов, – что наш уважаемый Михаил Васильевич, посмотрев сегодня на действия роты, запросто придумает нечто просто замечательное в военном смысле?

Он-то, безусловно, уверен в невозможности. Такой съевший дюжину собак на военном мастерстве, убежденный в ничтожности штатских.

– Господа, – слегка обалдев от услышанного, встрял я, – а не кажется ли вам...

– Да, именно так! – воскликнула Лиза победно, игнорируя мою попытку вклинить в обсуждение Ломоносова и его возможностей. – Взгляд со стороны очень полезен. Вы давно привыкли к определенным ритуалам и действиям, не пытаясь облегчить и улучшить ситуацию. А он, – палец в мою сторону, – сможет! Я готова поспорить.

Теперь на меня уставились все присутствующие с глубоким интересом. Не знаю с чего там началось, но сейчас пытаться ее заткнуть себе дороже. Выйдет неприятно и постыдно.

– Приятно, конечно, когда обо мне такого высокого мнения, – сказал, тщательно подбирая слова, – но я хотел бы для начала выяснить причины столь оригинальной дискус-

сии. Все же она касается в первую очередь меня.

– Я утверждаю, – проговорила Лиза, глядя на меня умоляюще: кажется, до нее дошло, что слегка перегнула палку. Если я чего-то не сделаю, в конце концов, переживу. Не сам напрашивался. А вот для нее окажется серьезным ударом. Выходит ребячество и падение авторитета. Такие вещи долго помнят. – Что вы, Михаил Васильевич, сделаете нечто действительно полезное для нашей армии. И готова поставить на то пятьсот рублей.

– Одну минуту, – влез Чернецов, – хотелось бы уточнить правила. А то ведь скажет завтра господин Ломоносов про необходимость перекрасить мундиры и успокоится. Хотелось бы чего-то более существенного.

Я тебе это, скотина, при случае обязательно припомню, решил, постаравшись улыбнуться как можно обаятельнее. Это же не иначе ты спровоцировал неприятную ситуацию. Кровь, что ли, сильно голубая и не любишь выходцев из народа?

– Вы пытаетесь меня оскорбить? – вкрадчиво поинтересовался. По мне, лучше всего напроситься на прямую схватку и похерить несвоевременное происшествие. Конечно, на пистолетах.

– Ни в коем случае, – изображая дружелюбие, потряс лапками.

Вряд ли он опасается дуэли, однако хочет меня макнуть в грязь. И нарочно. Должна быть какая-то причина, чтобы не

опасаться последствий. Лиза тоже может затаить злобу. Какой смысл с ней спорить, настолько откровенно нарываясь. Это ведь не на меня – на нее бочку катит. Обязательно выясню, кто его науськал девочку подставлять и с чего началось.

– Но согласитесь, прежние изобретения в данном контексте уже неуместны. Разговор шел о некоем абсолютно новом и ценном именно для войск происшествии. Скажем, я глубоко впечатлен этим новым средством под названием «морфий», и для хирургии оно замечательно, однако к нашему закладу отношения иметь не должно.

– А прямо завтра не желаете бомбу огромной разрушительной силы?

– Действительно, – неожиданно поддержал меня Василий Иванович. – Мы не в карты играем. Здесь помимо удачи и мозгов труд потребен. К вечеру результат представить не удастся и гению.

– Три месяца срока для представления проекта, – заявил Шипов.

– А судить кто будет? – подозрительно потребовал Чернецов.

– А хотя бы Василий Иванович, – предложил Иван Афанасьевич.

– Надеюсь, никто не сомневается в честности прокурора? – гордо сказал Суворов.

– Пусть Миних решает! – почти пропел счастливый Чернецов.

Уверен, он в курсе: я у того не бываю. Бирон не любит перебежчиков, а армейские дела до сего дня меня не касались, и мог спокойно игнорировать, кроме официальных визитов. Теперь выйдет боком. К любому предложению Христофор Антонович отнесется с подозрением и с порога может отвергнуть. Исключительно по причине нахождения в чужом лагере.

– Кто за армию отвечает, тому и ставить резолюцию.

– Полгода, начиная с сегодняшнего дня, в качестве последней инстанции – фельдмаршал Миних. Он выносит окончательное решение. Проигравший платит тысячу рублей, – глядя ему в глаза, произнес я. – Не ея высочество. Мы с вами спорим. Идет?

Лиза подставила меня натуральным образом, и обязательно поговорю потом. А сейчас я вынужден идти до упора. У меня ведь ничего нет, кроме тяжким трудом заработанной репутации. С нею можно многого добиться. Стоит, однако, ей пошатнуться, как стану уязвимым и последуют новые нападки со всех сторон. Я выскочка, и слишком многие о том помнят и норовят продемонстрировать. Отступить нельзя.

– Согласен, – после почти незаметной паузы проговорил Чернецов.

Сдавать назад ему тоже поздно, сам напросился. А я поборюсь. Полгода – достаточный срок. С чего начать? Да с тех же касок!

Глава 8. Любопытство не порок

На балах я появляюсь достаточно редко. Мероприятия эти многолюдны и непристойно роскошны. Анна Иоанновна хотела ни в чем не уступать по пышности и великолепию европейским дворам. И, надо сказать, ей это вполне удавалось. Даже избалованные иностранцы восхищались роскошью русской императрицы.

В обыкновенные дни помимо танцев давали разнообразные представления: французскую комедию, итальянскую оперу и немецкий спектакль. Наряды дам были очень богаты, равно как и украшения. Брильянтов надевали изумительное множество. Иного поведения просто не поймут. Даже на женщинах сравнительно низкого звания бывало камешков на десять-двенадцать тысяч рублей. Они и в частной жизни никогда не выезжали, не увешанные драгоценными уборами. Мне представить жутко, на какие суммы у иной княгини цапек в шкатулке.

Веду себя так не из желания продемонстрировать некую фигу в кармане. И не потому что излишне активное мелькание сбивает цену по принципу: чем больше видно, тем более обыденным представляюсь. Фактически занят постоянно. И секретарскими делами, и своими личными проектами, и нежеланием выставляться в дурном свете.

Здесь танцев я не изучал, моего вихляния аристокра-

ты не поймут. Позориться не хочется. Как и сидеть, перекидываясь в картишки. Не столько жаль возможного проигрыша, сколько занятие исключительно бессмысленное. Проверять свою удачу лень. Другое дело, когда возникает необходимость встретиться с кем-то и поговорить. Тут уж прискачешь моментально.

Пристроился в стороне, стараясь не мозолить лишний раз глаз, возле нескольких господ своего возраста. Принялся, изображая лень, зорко осматривать местность, попутно прислушиваясь. Сплетни – вещь иногда полезная. А за неимением вещающего о последних событиях большого ящика с движущимися картинками – основной источник знаний о политике и происшествиях. Иногда даже странно вспомнить про прежний размах СМИ.

В России существует единственная газета с минимальным тиражом, где обычно всякая ерунда вроде придворной хроники. Ни тебе про ужасное происшествие в темном переулке, ни про последние известия из-за Урала. Про границу пишут, не без этого.

Крутится у меня не первый день в башке идея частной газеты. Уж как поднять количество продаваемых экземпляров, я достаточно хорошо представляю. На местном рынке прорыв обеспечить не проблема. И насчет продажи рекламных объявлений тоже применимо. Одна беда: нельзя разорваться. Хотя бы первое время, пока не натаскаю пару-тройку человек, придется сидеть в редакции безвылазно. Сейчас абсо-

лютно не ко времени такие занятия. Может, когда-нибудь и до этого дойдут руки.

Соседи достаточно громко обсуждали последние новости. Миних в очередной раз поругался со своими созаседателями в Кабинете министров. За очень короткий срок умудрился испортить отношения чуть ли не со всеми властным тоном старого служаки. Остерман сделал финт ушами, кинув новоиспеченного фельдмаршала. Андрей Иванович принялся избегать объятий Миниха и открыто сделал ставку на Бирона, которого усиленно «ласкал».

Так и сказали. Фразочка на мой слух достаточно двусмысленная, однако употребляется повсеместно. Не понижая голоса, обсуждали, как быстро Миниха задвинут в дальний чулан. Господин Остерман ничего по простоте не делал, редко принимал чью-то сторону и в сомнительных случаях срочно заболел, стараясь избежать четкого решения. А здесь практически открыто встал за фаворита.

Андрей Иванович, на самом деле Генрих Иоганн, та еще штучка. Влияние его огромно, и сражается с Бироном практически на равных. Не так давно сумел избавиться от генерал-прокурора Ягужинского. А тот не чета всяким разным. Сенатор, подполковник лейб-гвардии, граф и еще куча титулов и должностей. Теперь поедет послом в ссылку в Берлин. Почетно и никому не мешает. И пусть скажет спасибо, что не отправили посланником в Таиланд. Если тот, конечно, существует в данном мире. Сильно уж выделялся прямошой,

честностью и неподкупностью, расследуя дела о коррупции. Таких людей никто не любит.

За Остерманом полезно смотреть, куда он поворачивает. Не хуже флюгера дает направление даже не действий, а мыслей сидящего на троне. Поперек в жизни не скажет, изобразив в очередной раз больного. На серьезный риск не пойдет. Вроде бы идеальный покровитель. Но я к нему не пойду. Исключительно по необходимости. Уж очень он противный и любого помощника сдаст в момент, стоит замаячить выгоде. Он живет не по закону и даже не по понятиям, а одному себе на пользу.

– Здравствуйте Анисим Александрович, – поклонился я неспешно шествующему мимо господину.

Как и многие здешние небедные люди, хорошо питается и не прочь поспать после обеда, имеет солидный лишний вес. Боюсь, мои проповеди на тему «поменьше жирного и жареного», а также о пользе физических упражнений – не пройдут. Пищевых привычек даже лично Петр выбить не сумел. Его эксперименты по вливанию в горло бутылки оливкового масла имеющим наглость морщиться или непонятно зачем заставление курить вошли в легенды. Иной раз поведуют с натуральным восхищением. А задумаешься – вот ведь гадость. Тех же отроков посылать за границу, не дав им минимального знания языка. Много проку от его учебы из-под палки? Зато дома так и не добился, чтобы иностранцы на русском объяснялись.

Он повернул не шею – все тело, внимательно осмотрел меня с головы до ног.

– Вот уж не думал вас встретить здесь, Михаил Васильевич, – сказал басом. – Не боитесь ко мне обращаться вот так запросто, на глазах у множества народу? – и он бесцеремонно ткнул пальцем в сторону моих болтливых соседей.

Вопрос прозвучал совсем неспроста. Обер-прокурор Сената Маслов был креатурой Ягужинского. Мог загреметь вслед за покровителем в ближайшее время. Как и будущий посол, расследуя многочисленные дела о коррупции и взятках, без особого труда нажил немалую толпу влиятельных врагов. Сейчас они наверняка потирали руки в расчете на месть.

Кстати, отец Варвары в последнее время был с ним на ногах. Анисим Александрович умудрился подать записку о тяжелом положении крестьян в Смоленской области. А у Черкасских там имелись большие поместья. Князь принял это за личный выпад, хотя я убежден, нечто подобное творится в любом уголке Российской империи.

– А мне чего бояться? Государственных должностей не занимаю. Взятки не беру.

На лапу получали все. Честное исполнение своего служебного долга частенько казалось невероятным, ненормальным. Созданный Петром Великим бюрократический аппарат, неподконтрольный никаким сословно-представительным структурам, что действительно замечательно, отчетли-

во пробуксовывал. Нужно было нечто кардинально менять, но не создавать дополнительной конторы с пересекающимися полномочиями. Императрица шла по хорошо знакомому проторенному пути, некоторых наказывала, но ничего не менялось. Четкая работа государственного механизма на основе регламентов, указов оставалась недостижимой мечтой.

– Не зарекайтесь.

– В смысле, найдутся готовые предложить? Буду усиленно готовиться.

Он сухо рассмеялся.

– На Руси от тюрьмы никто у нас не закрыт. Иные так высоко возносились, – он поднял глаза к потолку, – аж в царское семейство войти вознамерились, да грянули наземь. И не светлейший князь, а неведома зверушка стал.

Сказку про Салтана, стало быть, читал. Не удивлен.

– У меня таких амбиций нет.

– Таких? Но все-таки есть! – погрозив толстым пальцем, громко воскликнул Маслов. – И замечательно. Человек без тщеславия и не человек вовсе. Так... Полчеловека. Главное – куда оно направлено. На пользу государству аль себе.

Он был мне симпатичен как последовательно выступающий за облегчение состояния крестьянства вообще и крепостных в частности. Даже добился парочки указов на тему за подписью Анны Иоанновны. Но с рекомендациями вышла проблема. Не знаю уж, что за формулировки употреблялись в черновиках к ним, в итоге получилось нечто сильно общее,

никого ни к чему не обязывающее. Одни благие намерения.

Тем не менее, вопреки обычной формулировке про интересы класса, он действительно боролся против увеличения подушной подати и советовал умножить горные промыслы, а также более исправно осуществлять таможенные и кабацкие сборы. У меня приготовлен очередной черновик на тему развития экономики, но без реальных цифр и статистики он обречен лежать, пока рак на горе не свистнет. Получить данных я не мог. Чаще всего в коллегиях и сами цифр не ведали.

От лица Лизы тоже бесполезно обращаться. Серьезного влияния за ней нет. Все утонет в бесконечных согласованиях. Мало того: чем дальше я крутился в здешнем обществе, тем четче всплывала прежняя догадка. Никто толком не знает ничего. Размер недоимок огромен, почти четверть не могли собрать каждый год. И многое тянулось с петровских времен, не погашаясь.

С первой подушной переписи 1720-х годов прошло больше десяти лет, но из списков не выбрасывали ни выбывших, ни умерших. Трудно найти желающих платить за того дядю. Естественно, новорожденные и подросшие заполнить дырку пока не могли. В результате недосбор считали на сотни тысяч каждый год. Для поисков недостающего создали целую коллегия, но воз и ныне там.

– Вы почему больше не пишете басен? – неожиданно меня тему, потребовал Маслов.

– Я теперь все больше чужое творчество изучаю. Челю-

битные разные с просьбами. Никак не получается справедливость безвозлокидно навести.

– Не видели вы, Михаил Васильевич, получаемых мной посланий, – опять Маслов хохотнул. – Кипами несут.

– Так у вас секретари имеются, а я сам он и есть. Секретарь. Уровень понижe, труба поплoше, дым пожижe.

– Не то говорите, – поморщился Анисим Александрович. – Небось, в стол-то продолжаете, лишь общество не видит.

Есть такое дело. Продолжаю всякое разное всплывшее старательно записывать. Даже сундук завел железный с замком. Там и держу, чтобы кто попало не заглядывал. Куча обрывков, мыслей и сюжетов. Рядом пенициллин (ботаники, оказывается, знают несколько видов этой плесени, и в Академии наук мне перечислили их латинские названия), громотвод и масса всяких теоретически возможных усовершенствований. Не представляю, кому может потребоваться буржуйка. Разве в дороге, но опасно. Упадет от тряски, и вместо обогрева пожар в кибитке.

Уже сам путаться начинаю в бессистемных записях. И, кстати, не мешает убрать из дворца в будущем, когда свой дом появится.

– А вы тюрьмы не опасайтесь. Бирон человек умный. Чушь эту насчет того, что таракан – на него намек, даже слушать не стал. Всем известно: то еще до Анны Иоанновны писано.

Ну да, ну да, продолжая сохранять на лице насколько возможно спокойное выражение, подумал я. Сегодня пропустил мимо ушей, а завтра обнаружит нечто, и натурально найдет-ся для меня камера. Да просто турнут с концами. Лучше уж уgomониться. Тем более что чужие стихи воровать дело неблагодарное. На первых порах требовалось, не без того. Должен был вылезти над общей толпой. А теперь – спасибо, достаточно. Про Ломоносова обе столицы наслышаны. За честь иные считают знаться.

Я лучше «Маугли» или мультфильмы при случае изложу. Адаптировав их к местным реалиям, естественно. Достаточно существует подходящего и с моралью. От Нильса с гусями до Снежной королевы. Или про животных. Гномики там, индейские красавицы, путешествующие в Англию. Про то, что она потом от туберкулеза загинулась в молодом возрасте, лучше промолчать. По-любому безопаснее, чем басни. Ну и «Полтава» на важный случай, насколько вспомнил. Есть подозрение в выпавших кусках, но тут я отсебятину нести не пытаюсь. Лучше меньше, да лучше.

– Наконец-то я вас обнаружила! – вскричал темпераментно женский голос. – Обещали подойти и манкируете обещанием, – добавила Мария Кантемир капризно. – Позвольте, Анисим Александрович, я украду у вас господина Ломоносова.

Ни о чем конкретном мы с ней не договаривались. Был разговор с Варварой Черкасской, но очень вовремя заяви-

лась: беседа стала принимать скользкий характер. Нормальный рифмоплет просто обязан посвятить покровителю вдохновенно-вымученные стихи. Оду, не ниже. Высоким стилем и целуя грязные сапоги.

Проблема только одна: я не Пушкин, не Лермонтов и даже не Тредиаковский. На нечто объемное и замахиваться не стану. Брать лишь бы что и делать вид, что под него написано, чревато: завтра на каждый юбилей возжаждет. А у меня архивы не бездонны. Тяжек хлеб воровства. Еще и потому лавочку закрыл. Если не навсегда, то надолго. С самого начала отказался этим заниматься и не собираюсь возвращаться к пройденному.

– Прошу простить, – сказал, припадая к женской ручке. – Готов испустить вину. Приказывайте!

Смотрелась Мария недурственно. Умеет за собой ухаживать. На щеках приятные ямочки, губки пухлые, да и белила почти отсутствуют. Мелкие морщинки в уголках глаз практически незаметны, как и еле проступающие следы оспы. Очень легкая форма. А грудь присутствует в немалом размере.

Вопреки первому впечатлению, не ощущает себя старой приживалкой, живущей из милости и тихо увядающей в дальнем углу. Веселиться и заводить других умеет неплохо. А заодно и чемпион женского пола в городках. То есть обладает физической силой и хорошим глазомером.

Не ожидал такого ажиотажа вокруг не особо сложной иг-

ры. Хотел просто развлечь своих девочек. Попытка внедрить лото, где бочонками заполняют цифры на карточках, – угасла в кратчайшие сроки, не понравилось. А городки пошли вширь и на просторы необъятной Родины. Уже и соревнования проводят между улицами и кварталами. Мода – вещь непредсказуемая.

Взгляд Маслова, метко угодивший в глубокое декольте девицы Кантемир, достаточно прямо сообщил, что помимо заботы об общественном благе он и свой интерес блюдет. Ничто человеческое ему не чуждо.

– Конечно, конечно, – согласился, прерванный очередным залпом поставленных у Невы пушек.

Дикарское поведение. Ладно танцы закончились, но зачем так часто палить и тратить огромное количество пороха?

– Хм? – попытался я напомнить о себе через пару минут, послушно следуя за шикарной брюнеткой.

– Пока перерыв, – сказала Мария негромко, ежесекундно раскланиваясь и здороваясь со знакомыми, – мы имеем немного времени.

Она покосилась вверх, где на галерее стали собираться певицы и кастраты. Слово то совсем не ругательное. Кастраты считались самыми лучшими певцами, они получали жалованье, превышавшее зарплату министров и генералов. А я при их виде испытывал огромную радость: ведь мог угодить в одного из этих. Даже огромные гонорары как-то не особо радуют в подобной ситуации. Конечно, в древней Византии

евнухи случались на постах очень высоких, даже в качестве полководцев отметились, однако на себе столь любопытное дело как представишь, так в обморок тянет.

– Завтра, – видимо, приняв мое молчание за глубокое внимание, продолжила она, – состоится оглашение о вашем браке с Александрой. Вы уже в курсе, – сказала утвердительно, не дождавшись изумленного аханья. – Варя абсолютно не умет держать язык за зубами. Ей ничего нельзя доверить.

Я как бы в курсе. Политических вопросов и тайн с ней не обсуждаю.

– Не обольщайтесь, – сказала Кантемир, кинув на меня косой взгляд. – Не вы первый у нее в любовниках и, думаю, не последний.

Я чуть не подавился от неожиданности языком. До сих пор считал, мы прекрасно сохраняем тайну отношений.

– Она несколько легкомысленна.

– Но вы же...

– Я сестра Антиоха, но он сам виноват. Зачем тянуть с женитьбой и уезжать на годы? Кроме того, не думаю, что это лучший из возможных выборов. Богатство – да. Но оба не проявляют интереса друг к другу. Так зачем делаться несчастными? Пусть живут, как хотят, и гуляют, пока молоды... – В голосе определенно прозвучало нечто тоскливое.

Вряд ли ее юность оказалось прекрасной. Царю не откажешь, пусть он старик и неприятен. А затем наверняка пришлось расплачиваться. От двора и близких ее отослали на

несколько лет. Судебная тяжба по поводу наследства с махехой никак не закончится. Сегодня по-прежнему одинока. Должна находиться в Москве, поскольку отпросилась у Анны Иоанновны, а приехала опять какие-то кляузные дела решать. Судьба ее явно не баловала. Навел справки, а как же. Любопытно.

– Но вас, – произнесла Мария твердо, – это не касается.

Не очень-то и надеялся, что направляется в спальню. Не у всех же на глазах тащить. Это ни в какие ворота не лезет. Но куда?

– Царица не станет тянуть. Она очень любит выступать свахой и получает от процесса массу удовольствия. Так что помалкивайте и делайте что велено.

– Хм, – высказался я крайне содержательно в окончательном недоумении.

– Вы ведь нечасто заглядываете на балы. Сегодня пришли сюда неспроста? Захотелось посмотреть на невесту.

– Не стану отрицать. Мне любопытство не чуждо.

– Александра тоже не прочь разглядеть вас вблизи. Слышать о Михаиле Ломоносове в обществе всем приходилось. Иные в гении вас зачисляют.

– Это не так. Гений – он творит и ничем не ограничен. А мне приходится много и тяжело работать, прежде чем очередная идея становится общеизвестной. Самое тяжкое не придумать, а внедрить.

– О! Я в основном о ваших баснях и стихах.

Опять. Достали. Еще не хватает разговоров о ямбе, хорее и правилах грамматики.

– Я ставлю оспопрививание много выше рифмоплетства. Вакцина спасает человеческие жизни.

– И приносит немалые деньги, – без насмешки подсказала.

– Не без этого. Я не ворую, не отнимаю у бедных и не издеваюсь над людьми, добывая золото. Разве в том есть ущерб для репутации?

– Вы мне нравитесь, господин Ломоносов. Своей серьезностью и неординарностью.

Пауза.

– Но Александра мне все одно ближе. Я стараюсь для нее. Заочные впечатления и представления могут оказаться рядом с реальными сплошным разочарованием. Постарайтесь не обидеть девушку. Ей и так досталось.

– Большое спасибо за участие в ее судьбе, – всерьез благодарный, произнес серьезно. – За мной должок.

– Не бросайтесь такими словами, а то напомним когда-нибудь, – сказала она, останавливаясь у обычной двери, каких кругом полно.

– Надеюсь, когда-нибудь придет час проверки, и вы сможете убедиться в моих словах.

Она толкнула дверь и вошла.

– Александра Александровна Меншикова.

Всегда думал, что папаша ее Алекашкой от Алексея вышел. А оказывается, он Шурик, и это очередной царский ка-

приз. Забавно. Прошлое по-прежнему непредсказуемо и занимательно.

– Михаил Васильевич Ломоносов.

Вот так и представила. Без чинов, титулов и прочих отступлений.

Глава 9. Новые знакомства

Нет, она не была изумительной красавицей. Эдакая Але-нушка с картины Васнецова. Тоска и одиночество в глазах. Ее ломали всерьез. Из любимой дочери, не знающей ни в чем отказа, из сестры невесты императора, подруги Натальи, родной сестры Петра Второго, вдруг без вины угодить на далекий Север в ссылку...

Там отсутствовали слуги, мамки и няньки. Лишь один стареющий отец, потому что мать скончалась еще по дороге. А затем болезнь, сведшая в могилу сестру. Надо иметь стержень в душе, чтобы не сломаться. И в то же время на бой-бабу ничуть не походила. И не надо. Такая мне гораздо больше по сердцу.

– Что же вы молчите, Михаил Васильевич?

– Прошу простить за некоторую неуклюжесть и скованность, как, согласно приличиям, должен вести себя мужчина с женщиной, которую находит... привлекательной?

Слово «дворянин» я намеренно пропустил. Именно подчеркнуто: не вижу в ней некую графиню или чью-то дочь. Исключительно женщину. И она мне нравится. Нет на свете такой девушки, которой бы не пришлось по душе такое откровение. Тем более что чистая правда. На фоне нафантазированных ужасов, все же откровенный перестарок – двадцать лет уже стукнуло и переболела оспой, да и находилась в

последние годы не в лучших условиях, — вполне симпатична. Насколько удался посыл, уж не знаю, но она слегка покраснела. Надеюсь, не от негодования по поводу моей наглости.

— Конечно, можно поговорить о погоде. Совершенно безопасная тема. Во всех отношениях.

Милая улыбка. В ней присутствовала естественность, не испорченная жесткими рамками этикета. Ссылка подпортила заученные с детства правила поведения. И это прекрасно! Не хотелось бы мне в будущем продолжать общаться в высшей степени формально с собственной женой и выслушивать регулярные попреки в мужиковатости. А избавиться от иных бытовых привычек достаточно сложно.

— Сегодня прекрасный день. Старожилы не помнят такой теплой погоды в этот день с момента строительства Петербурга. Даже солнце выглянуло из-за вечных туч.

— Не любите здешней погоды?

— Я родился на Севере. — Вранье. Хотя если считать речь о Михайле — правда. — Но предпочитаю тепло.

Ненавижу вечные туманы и слякоть Прибалтики. Конечно, я помню ее через много веков, однако вряд ли климат особо изменился. В Петербурге он мало чем отличается, просто пока весна не настала.

— Наверное, среди предков присутствовали выходцы с Юга. Правда, на князя Юсупова, — я сделал руками узкие глаза, добившись прикушенной губы; она старалась не рассмеяться, — тоже не похож.

– Вы, по-моему, ни на кого вообще не похожи.

– И тем горжусь!

– Стихи пишете...

Опять об этом. Не оставит меня вечная молва уже никогда. К лучшему или худшему, но ведь не прекратят напоминать. Переиграл я. Перестарался. В каждом номере «Ведомостей» если не статья, то басня или стих. «Салтан» с продолжением или еще какая сказка. А то и одновременно. Капиталов не приносит, зато известность дает.

– Людям сумели помогать, а говорят, еще задумки постоянно совершаете.

– Не все, к сожалению, удастся как хочется. Я пытаюсь иногда без особой прибыли, случается с убытком, и считаю – правильно. Geld verloren – nichts verloren. Mut verloren – alles verloren², – сказал сознательно на немецком. – Если не пробовать, откуда знать – вдруг выйдет нечто грандиозное? Я лучше попытаюсь, чем всю оставшуюся жизнь стану вспоминать о нереализованной возможности.

– Хорошо ли быть настолько отличным?

А здесь, похоже, нечто приватное. Вряд ли не знает про разговоры о своем отце. Могли и лично ей напомнить. Не когда в силе был светлейший, а в Березове.

– Жизнь коротка, а я сделал так мало!

– Да еще и в таком возрасте.

² Потеряешь деньги – ничего не потеряешь, потеряешь мужество – все потеряешь (нем.).

– О возрасте судят не по годам, а свершениям. Не все же одни воры и мерзавцы должны делать карьеру! Почему не попытаться пользу Отчизне принести? И не один я. Сам бы не смог ничего. Токмо с помощниками и единомышленниками можно продвигать дело. Многие русские мещане и крестьяне достаточно сообразительны и умны, чтобы быть достойными званий и чинов.

А вот это, кажется, было лишним. Не стоит поднимать вопроса, пока. И педалировать преимущество местных перед приезжими тоже. Иностранное засилье пока не имеет смысла вытаскивать. Потихоньку, полегоньку.

– Я кажусь вам скучной?

– Нет, отчего же. Напротив, вы сказали, что думали, и то приятно безмерно: откровенность и интерес к моей особе. Не надо бояться высказываться открыто. Раз уж судьба так сложилась, всегда готов выслушать и объясниться.

Совсем стал косноязычным. Сам запутался. «Стерпится – слюбится» прозвучало бы не очень. Выбора у нас нет. Остается надеяться, что притремся постепенно. Жить с женой – это ведь натурально ужас! Спать в одной постели, вместе обедать, одеваться и обсуждать некие хозяйственные дела. В одних трусах уже не вскочишь и без объяснений не задержишься.

Я совсем не рвусь к подобному изумительному счастью. Но она же не виновата! За что я стану срывать на ней плохое настроение и вынужденное подчинение? Она – такая же

жертва. Даже хуже. Я достаточно волен в поступках помимо предстоящей свадьбы. Саша – нет. Ей пришлось следовать за отцом, теперь – за мужем. Официального развода после венчания не существует. До самой смерти мы привязаны друг к другу.

Конечно, разное случается. Иная при живом муже живет отдельно, и свет ее не осуждает. Уж больно супруг противный и развратный. Да без вмешательства свыше, прямо от трона, ничего он ей давать не обязан, и уж тем более содержать в привычных условиях. И идет судебная свара годами, отравляя ядом ненависти всех ближних и дальних родственников. Семейные проблемы, перепутавшиеся с материальными, – самое отвратное из возможного в суде и жизни.

– Право слово, я постараюсь оказаться хорошим мужем. Насколько способен.

– Вас ищут, – выглядывая за дверь на осторожный стук, сообщила Мария, старательно изображавшая все это время безмолвную статую. – Пора заканчивать. Государыне нужен компаньон для «фараона» и может не понравиться встреча без ее ведома.

В одной из комнат на подобных мероприятиях обыкновенно императрица играла в «фараон» или пикет, а к десяти часам она появлялась в зале, где оставалась до пяти или шести часов утра. Приглашение к карточной игре – достаточно высокая милость и всеми обычно замечается. Тут не то что вежливо уклониться нельзя: все несутся сломя голову на зов.

Меня допустили!

– Александра Александровна, – сказал решительно. – Не нами то придумано, когда через родительский сговор женятся дети. Всякое бывает посредь супругов. Одно хочу обещать: в меру сил и разума постараюсь не разочаровать вас в будущем.

Она молча проследовала мимо, легонько коснувшись моей руки пальчиками в перчатке. Это уже нечто. Не зря старался. Объяснения в любви и просто романтические отношения здесь не приняты. Не то чтобы нежелательны, но абсолютно необязательны. За молодых людей все решали старшие родственники.

Если не любовь, то дружбу в семье надо попытаться сохранить. Повторить опыт родителей, когда они жили в одном доме, практически не пересекаясь, и не имели ничего общего, кроме ребенка, то есть меня, страшно. «Мой дом – моя крепость»³, а не проходной двор. Так, во всяком случае, должно происходить.

Делать мне в здешнем обществе в дальнейшем совершенно нечего. Пора испаряться. Завтра с утра снова ждут бесконечные дела. Благо прогулка до Лизиных покоев не столь уж и далека. Всего-навсего в другое крыло здания. Если срезать напрямик – совсем рядом. Заодно и проветриться перед сном.

Подождав пару минут, вышел за дверь и двинулся в сторо-

³ Английская поговорка.

ну выхода. За пять минут успел несколько раз раскланяться с еще не встреченными гостями. Ничуть не удивило, когда окликнули в очередной раз. Одна проблема – этого человека я не знал. Нас точно не знакомили. И одновременно я безусловно его не так давно видел.

По виду смахивает на итальянца, говорит по-немецки. Но это не особо удивительно. Здесь немецкий частенько в ходу среди образованного люда. Столетия французского и английского еще впереди. Пока в богатейшую Россию за счастьем едут все больше из нищих немецких княжеств, и частенько не лучшие экземпляры человечества. Память молчала, не желая оказывать помощь. Видимо, он уловил мои затруднения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.